18+

Александр Карпов

«ОН» ВСЕГДА ДОМА. ИСТОРИЯ ДОМОВОГО

Александр Карпов

«Он» всегда дома. История домового

«Издательские решения»

Карпов А. Н.

«Он» всегда дома. История домового / А. Н. Карпов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-608953-2

Сказочное существо Домовой существует, и его мир не так прост. В нем тоже есть мужчины и женщины, создаются семьи и появляются дети, развивается жизнь. Но своей природой он все же призван служить человеку. Совсем юный домовой появляется в новом, только что отстроенном молодым крестьянином деревенском доме. Под его контролем и охраной от бед живет большая трудолюбивая деревенская семья. Но ее мирную жизнь сотрясают исторические события, которые приносят массу испытаний.

ISBN 978-5-00-608953-2

© Карпов А. Н.
© Издательские решения

Содержание

«ОН» всегда дома 6
Конец ознакомительного фрагмента. 35

«Он» всегда дома. История домового

Александр Карпов

© Александр Карпов, 2025

ISBN 978-5-0060-8953-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«ОН» всегда дома

– Ой! Что ж это делается! – всплеснула руками немолодая женщина, когда выронила из рук на землю бурый глиняный кувшин с кислым огуречным рассолом, который, к счастью для нее не только не разбился, но даже и не успел сильно накрениться, пролив лишь малую часть своего содержимого.

Она быстро наклонилась и, причитая в полголоса, взяла его в руки, удивляясь столь удачному падению потенциально хрупкого сосуда, который, едва коснувшись земли, остался в вертикальном положении, чуть смочив ее босую ногу несколькими каплями выплеснувшейся жидкости.

Она была одной из тех, кто суетился в яблоневом саду, среди деревьев, накрывая на составленные вместе в длинную цепочку столы, которые были принесены из домов и построек для многолюдного деревенского застолья, случавшегося по большим праздникам, на свадьбы, крестины или поминки. В это время года, когда светило и согревало землю яркое июньское солнце и у крестьян было много работы в полях и огородах, а потому праздновать было нечего, оставались только в качестве поводов для общего сбора многочисленных родственником за общим столом, лишь два последних из перечисленных. Со стороны, по траурному виду облаченных в темные, неброские, а порою и просто черные юбки и блузы женщин, головы которых были покрыты угольного цвета платками, становилось понятным истинное назначение приготавливаемого застолья.

Кое-кто из них, не зависимо от возраста, поднося к столу что-нибудь из блюд, всхлипывал, дергал опухшим от слез носом на раскрасневшемся лице, а потом, когда руки становились свободными, вытирал фартуком или краем повязанного на шее платка текущую по щеке слезу. Кто-то держался строго, сдвинув брови к переносице и, не поднимая глаза, монотонно двигался от крыльца дома в сад и обратно, доставляя к столу очередную тарелку или чугунок, поставив который, легким жестом отгоняла от еды и закусок многочисленных жужжащих насекомых. Чтобы избавиться от налетов последних, одна из женщин, едва ли не самая старшая, переваливаясь с ноги на ногу, как это делают те, кто постоянно испытывает проблемы с больными суставами и терпит неприятные ощущения от них, не спеша накрыла каждое блюдо чистой тканью, изолировав его от мух до прихода с кладбища всех участников похоронной процессии.

Иногда среди суетящихся с приготовлениями трапезы женщин начинались и скоро заканчивались разговоры с поминаниями добрыми словами усопшего, его семьи, вдовы и детей, на плечи которых взваливались все заботы по дому и хозяйству. То и дело кто-нибудь тяжело вздыхал, тихо приговаривая:

– Не ко времени! Не ко времени! Мог еще жить и жить! Ведь полон сил был и так быстро ушел!

А рядом стоящая родственница или просто пришедшая помочь с кухонными хлопотами женщина вторила ей:

– Да, не ко времени.

Закончив почти все приготовления, уставшие хозяйки собрались возле стола, опустившись по очереди на еще свободные скамейки, заранее приготовленные и расставленные для многочисленной деревенской родни покойного и его семьи, возвращения которых с кладбища уже поджидали. Женщины сели спиной к угощениям, все, как одна, сложив натруженные руки на коленях и, чуть ссутулившись, начали тихо обсуждать дела семьи, в саду которой они сейчас находились и накрывали столы.

– Хоть два сыночка уже выросли. Семьи свои создали. Матери помогать будут, – начала одна, та, что, переваливаясь с ноги на ногу из-за больных суставов, укрывала продукты от мух.

– И остальные уже взрослые совсем. Тоже мать не оставят, – отвечала та самая, которая несколько минут назад едва не выронила из рук глиняный кувшин с огуречным рассолом, а потом ловко его подняла, радуясь, что тот остался целым.

– И Катя взрослая уже! Того и гляди – замуж выскочит! – поддержала общий тон и тему разговора третья женщина, отмахиваясь от жужжащих возле стола насекомых. – Красавица, вон, какая! Умница! Обузой родителям не стала. В Горький уехала, выучилась там.

– А она хоть знает про отца? – встрепенулась та, что говорила перед ней, внезапно обеспокоившись осведомленностью старшей дочери покойного о случившемся в семье горе.

– Наверное, сообщили ей, – растерянным взглядом посмотрела на собеседниц четвертая женщина, чье лицо было опухшим от того, что она периодически начинала тихо лить слезы и всхлипывать, оплакивая усопшего, которому приходилась родственницей.

– Да как же сообщили то? – прозвучал ответ обладательницы больных суставов. – Это же надо было в город ехать, телеграмму давать. Письмом не успеть. Только телеграммой.

– Так и не поехал никто, вроде! – заключила вторая. – Какие там телеграммы, когда по радио такое объявили.

– Теперь жди, всех мужиков позабирают! – промолвила заплаканная, снова и снова краем влажного от слез платка, не то вытирая, не то размазывая по щекам влагу, причиной образования которой теперь могли стать не поминки, а что-то еще, к обсуждению чего собравшиеся могли вот-вот приступить, если бы не появлении возле дома покойного хозяина его пожилой тетки, облаченной в траурное одеяние и ведомой под руки внучкой-подростком.

Сидевшие на скамьях женщины, увидев ее, замолчали и все разом повернулись в сторону пришедшей, глядя на нее сочувствующими взглядами. В ответ та сама залилась слезами, полившимися ручьем, едва увидела сосредоточенное на своем появлении внимание и, тяжело облокотившись на внучку, остановилась, подняла трясущейся рукой клюку, явно мешавшую ей достать из кармана фартука платок. Девочка опередила ее, прочитав в движениях бабушки ее намерения вытирать льющиеся от горя слезы и, вложила ей в ладонь скомканный кусок материи. Одновременный тихий плач и всхлипы потянулись по яблоневому саду, усиливая царившую в нем траурную атмосферу.

Через несколько минут, когда все присутствующие наплакались и, постепенно, стали приходить в себя, одна из женщин обратилась к старухе:

– Тетка Серафима, не уж-то всех мужиков наших позабирают? В четырнадцатом году, вроде, не всех. Кого-то в деревнях оставили, при семьях.

– Так и в Гражданскую не всех! – поддержала разговор «опухшая». – В соседнем районе подчистую загребли, всех под ружье поставили! А до нас тогда не дошли! Только те, что сами захотели, те и пошли.

Старуха тяжело вздохнула в ответ, но промолчала. Она медленно, так же при помощи внучки, опустилась на скамью и, начала, не спеша, тщательно вытирать материей влагу под глазами, всячески стараясь рассмотреть то количество, что впитывала в себя ткань после каждого мазка.

Собравшиеся ждали от нее ответа, как от самой старшей, а потому наиболее авторитетной и опытной в их женской среде. Но его так и не последовало. А потом и вовсе ожидание было прервано появлением еще одной селянки, почти прибежавшей к ним, что было заметно по ее частому и тяжелому дыханию, гримасе боли на лице и прижатой к боку руке, как это обычно делают при покалывании от интенсивного бега.

Прибывшая славилась на всю деревню знатной сплетницей и говоруньей, поток слов из которой лился всегда неудержимым плотным ручьем, сообщая любопытствующим очередную новость и при этом смачно описывая все происходящее, делая из простых и неинтересных вещей и действий что-то невообразимо важное и значимое. К рассказу непременно добавлялись подробности, вплоть до мелочей, что не были видны никому и никогда, кроме самой

сплетницы, умевшей мастерски делать из них настоящую сенсацию, от чего ее внимательно слушали абсолютно все, до чьих ушей доносились ее повествования. И на этот раз она привлекла к себе всеобщее внимание, начав охать, чуть постанывать и периодически хвататься рукой за голову, отрывая ладонь от бока и прикладывая ко лбу.

– Воды дайте, воды! – протянула она и, широко открыв глаза начала искать на столе кружку, делая это так, чтобы внушить всем присутствующим всю тяжесть своего положения, быстро ухудшающимся физическим состоянием, которое она вполне артистично показывала.

От этого кто-нибудь непременно сам протягивал ей стакан с водой, а за это время у публики вокруг нагнетался жуткий по силе аппетит к принесенной, но еще не переданной во всеуслышание новости. А тянувшиеся секунды, за которые сплетница жадно вливала себя прохладную жидкость, усугубляли обстановку на столько, что рядом обязательно находился наиболее нетерпеливый человек, громко разряжавший атмосферу своим выкриком:

– Ну! Так говори же! Чего тянешь!

Только после этого сплетница ставила на стол пустой стакан и, сделав глубокий вздох, приступала к вещанию принесенной новости, которая, как правило, не была сенсацией для окружающих. На этот раз весь вид ее говорил об обратном. Без какого-либо вздоха она стала выплескивать из себя таившуюся внутри информацию, постоянно сбиваясь, глотая воздух и тряся головой так, будто не сидела на неподвижной скамье, а тряслась в едущей по ухабам телеге.

– Что было, что было! – почти кричала она, выпучив глаза, которыми молниеносно обводила всех и каждого, кто был возле нее. – Такое! Васька к отцу в могилу бросился! Орал там как недорезанный, чтоб его закапывали вместе с отцом! Насилу вытащили его!

Она еще раз сделала несколько глотков из поданного ей ранее стакана с водой, и быстро облизнув мокрые губы, не обращая внимания на реакцию немало удивленных слушательниц, продолжила изъясняться столь же громко, как и начала:

– Прямо так на гроб и прыгнул! Обнял крышку и закричал! Мужики опешили, звать его начали, потом давай его тащить оттуда. А он сопротивляется, кричит, чтобы его закапывали, что воевать он не пойдет. А не пойдет потому, что его на войне обязательно убьют! Он на войне уже был и больше там не будет. Закапывайте его вместе с отцом. Мол, все равно ему смерть. Хоть сейчас, хоть на войне! Так и сказал, криком сказал.

Сидящие возле нее женщины первое время молчали, с неподдельным ужасом и удивлением на лицах, подчеркнутых прижатыми к губам ладонями, слушая повествование сплетницы. А та, начав получать удовольствие от своего занятия, продолжала нести словесный поток, то и дело, повторяя отдельные эпизоды своего рассказа, подчеркивая самое, на ее взгляд, важное и постоянно добавляя что-то новое, как правило, из поведения отдельный персонажей. Тех, кто говорил что-либо или делал во время происходящего на деревенском кладбище действия.

Однако закончить она едва смогла. Сидя спиной к тропе, по которой она прибежала в сад, сплетница не заметила приближения первых людей из тех, кто был на похоронах и возвращался оттуда для участия в поминальном застолье. Завидев идущих, слушательницы тут же переключили на них свое внимание, начав вставать с лавок в ожидании подтверждения только что поведанного им.

– Что там с Васей то? – не выдержала одна из них, направляя свой вопрос первому из появившихся, что шел впереди всех и направлял свой взгляд на накрытый поминальный стол.

– Да ничего! – нехотя ответил он и отмахнулся от навязчивой женщины своей длинной костлявой рукой, жестом показывая, что ему совсем не интересно произошедшее на кладбище. – Свалился в могилу, да кричал, чтоб его с отцом закопали.

Пройдя мимо, он первым уселся на длинную, стоящую вдоль столов скамью и начал взглядом шарить по блюдам, тряся головой и выпучив мутные от пьянства глаза, явно отыскивая ими бутыли с самогоном, предназначенные по такому случаю.

Поняв, что от знатного деревенского выпивохи им больше ничего не добиться, женщины оставили его в покое, направив свои вопросы следующим из возвращавшихся с кладбища мужиков, вид которых подчеркивал их траурное состояние, а сами они еще не очень спешили занять места за поминальным столом. Но и ответы их не отличали подробностями от уже услышанного от сплетницы. Они лишь подтверждали правдивость ее повествования, подчеркивая душевное помешательство старшего сына покойного на похоронах отца, оправдывая его привязанностью к родителю и любовь к нему.

Постепенно все участники погребения подтягивались в сад и усаживались за стол, готовясь к заключительному действию дня, чтобы помянуть добрыми словами усопшего, выпить за упокой его души. Не было только вдовы и всех ее детей, от чего застолье так и начиналось. Наиболее прозорливые гости начали вслух рассуждать о том, что, скорее всего самая близкая родня все еще занята усмирением старшего сына умершего отца семейства, стремившегося остаться на погосте в одной могиле с родителем, а потому дававшего своим поведением огромное количество разговоров всем односельчанам на долгие годы.

Наконец на территорию сада вошли вдова, ведомая под руки своими дочерьми. Все заплаканные, в слезах, в траурных, по случаю, одеждах. А за ними следовали все четверо ее сыновей, двое из которых вели под руки шатающегося и сильно мотающего головой, будто на сломанной шее, старшего Василия, бледного и, видимо, совсем не контролирующего свое поведение. За ними так же под руки вели супругу старшего сына, доведенную до нервного срыва поведением мужа на кладбище. Возле нее находились второй по старшенству наследник покойного и его молодая жена. По их виду было заметно, что не тяжесть погребения и утраты их сейчас больше всего заботили, а именно случившееся с Василием, чего никогда еще родная деревня не видела за всю свою историю.

Дождавшись, наконец, самых близких родственников покойного, гости поминок стали усаживаться за стол, последовательно начиная выполнять все принятые по такому случаю обряды. Постепенно, миновав обязательные в этих местах традиционные слова и тосты, употребив, в порядке очередности, нужные блюда, гости стали переходить на простые и, абсолютно посторонние разговоры, из вежливости возвращаясь к основной теме собрания, чтобы помянуть добрыми словами покойного. В то же время на дальнем, от вдовы и детей умершего, конце стола, где сидела как раз местная сплетница, то и дело подвыпившие гости возвращались к случившему на кладбище действию.

– Как же он так, прям в могилу к отцу и бросился! – звучал первый голос.

– Не пойду, говорит, воевать! Закапывайте! Все равно меня убьют! – шептал ему в ответ второй.

– Так и трезвый ведь он совсем, – вмешивался в общую беседу третий.

– И не балуется он этим, – поддерживал беседу четвертый, – мужик он работящий, мастеровой. Семья у него.

– Чего же тогда в могилу к отцу кинулся? – подмечал пятый, хмельной голос.

И все те, кто обсуждал старшего сына покойного и его поведение на погосте, изредка поворачивали головы и косились на него, что сидел прямо на траве в яблоневом саду, уперевшись поясницей в ствол дерева, поджав под себя колени, на которые он положил голову, обняв ее руками. Иногда к нему подходила его жена, кто-либо из сестер или мать, разговаривая с ним, что было абсолютно бесполезно, потому как Василий отказывался реагировать и продолжал сидеть почти неподвижно, лишь изредка дергая плечами или сотрясая головой.

Подвыпившие гости, уже не стесняясь повода, стали смотреть на него, после чего, вооружившись порцией самогона, решили привести страдающего Василия в чувство и, взявшись

за него почти силой, запрокинули ему голову и медленно влили ему в рот содержимое стакана. Тот откашлялся, приняв внутрь изрядную дозу спиртного. Потом повалился на бок и встав на четвереньки, под гуд охающих от увиденного женщин, начал медленно перемещаться в глубь сада, поочередно переставляя по земле то ногу, то руку. Сделав так всего несколько шагов, он упал, перевернулся на спину и, уставившись стеклянным взглядом в просвет неба в кронах деревьев, замер, почти не дыша. Видя страдающего сына, завыла мать Василия – вдова покойного отца семейства. Заплакали его младшие сестры. Братья подскочили к нему и стали поднимать его на ноги, чтобы усадить за стол.

– В дом его несите! – закричала им та, что страдала больными суставами. – Чего мучить то человека!

– Тогда пусть лучше тут лежит, на виду у всех. Чтоб видели его, – ответил ей один из сидящих за столом мужиков, тоже приходившийся родственником семье усопшего. – А то, чего доброго, сотворит с собой что-нибудь.

– И то верно, – ответили ему.

Услышав со стороны наставления от гостей, братья положили Василия на траву, оставив его в покое. Рядом с мужем опустилась на колени его супруга, сел возле матери его четырехлетний сын.

Разрядил обстановку своим появлением на поминках плотный, важного вида мужчина в пиджаке, надетом поверх темной, подпоясанной тонким ремнем рубахи и военного образца фуражке на голове. Его увидели идущим от калитки в сад, прокомментировав приход нового гостя словами:

– Председатель сельсовета прибыл. Новости принес. Сейчас что-то важное скажет.

За столом воцарилось уважительное молчание, будто его ожидали. Постепенно взгляды людей направились в его сторону и сосредоточились на нем.

Начальствующего вида гость остановился возле стола, снял с головы фуражку, подчеркивая этим повод для застолья и, оглядев всех присутствующих, будто убеждаясь в наличии среди гостей нужного количества аудитории и отсутствие чужаков, принял поданный ему стакан с самогоном. Направив взгляд на вдову, он громко произнес траурную речь, следом выпив до дна содержимое. Потом ему предложили одновременно закусить, поставив перед ним на стол чистую тарелку и присесть, для чего несколько человек подвинулось, а возле гостя появился стул. Тот в ответ вежливо отказался и, вновь оглядев присутствующих, начал то, ради чего он пришел к поминальной трапезе, зная, что именно здесь он застанет значительное число деревенских жителей, которых должен был увидеть в этот день.

– Завтра мне в сельсовет повестки доставят. – Начал он, немного сбиваясь в словах от волнения. – Кого призовут – не знаю. Видимо, мне придется нашего почтальона привлекать, чтоб разносил по домам.

Гости слушали его молча до тех пор, пока одна из женщин не начала тихо выть, что было непременно подхвачено остальными селянками, ожидавшими явно не добрых новостей от председателя сельсовета и скорое убытие своих мужчин – мужей и сыновей, неизвестно куда и насколько времени. Тот в ответ сразу же замолчал, видимо не зная, что говорить ему дальше в той ситуации, когда многим и так было все вполне понятно. Волновали только подробности, и сильно беспокоило непредсказуемость будущего.

– Кого мобилизуют, а кого оставят – не знаю. Так, что не пытайте. Все будет известно только завтра, – попытался он продолжить свое выступление, но так и не нашел должного количества слов, а потом опустился на стул и, наклонил голову так, чтобы не были видны никому из гостей его глаза.

Председатель еще какое-то время посидел за столом, но, чувствуя на себе напор некоторых наиболее нетерпеливых и уже изрядно подвыпивших деревенских мужиков, опрокинул

в себя еще полстакана самогона, встал из-за стола и, кивнув в знак прощания вдове, покинул траурное собрание людей, удалившись с него.

С его уходом долго еще не прекращались застольные разговоры о начавшейся войне, с непременными, по такому случаю, воспоминаниями о прошедших войнах, которые забирали в свои огненные жернова и, далеко не всегда возвращали домой сельских мужчин. Поднимали тосты за тех из не вернувшихся, чьи имена кто-нибудь называл за столом. Упрекали своих женщин за то, что начинают оплакивать еще не то что живых, а еще даже не мобилизованных мужей.

Через несколько часов траурного застолья гости начала медленно расходиться, прощаясь с вдовой и ее детьми. Все, как правило, отходя от стола, делали заход ко все еще лежащему в саду на траве старшему сыну, высказывая ему слова сочувствия, а потом, отойдя на порядочное расстояние, удивляясь и обсуждая между собой невиданный случай на кладбище, главным участников которого был именно Василий.

За траурным столом оставались самые стойкие гости, а потому общая атмосфера постепенно перекочевывала из поминальной в более простою и даже немного веселую. Полились застольные песни, послышался смех. Немногочисленные родственницы семьи покойного суетились, унося в дом со стола грязную посуду и меняя оставшимся гостям тарелки на чистые. Появлялась новая бутыль с самогоном, по мере опорожнения которой, очередного засидевшегося селянина уводила под руки его жена или кто-нибудь из его старших детей. Постепенно столы в саду пустели. Гости расходились, многие из них на ходу распевали протяжные деревенские песни о нелегкой крестьянской судьбе, иногда плавно переходя на матерные частушки, что были слышны еще долго, почти что затемно.

Обессиленная вдова сидела в избе на кровати, не раздевалась и не готовилась ко сну. Она больше не плакала, лишь только иногда всхлипывала и делала протяжный выдох. Потом, услышав рев голодной скотины из хлева, она звала кого-нибудь из дочерей или сыновей и раздавала им указания по домашней работе, которую непременно надо было выполнить сегодня, не откладывая на завтра. И дети ее послушно, предварительно успокоив мать, отправлялись делать то, что требовалось. Сыновья кормили скотину, приносили воду и дрова, что-то делали во дворе. Дочери разбирали кухонную утварь, опускали в подпол или уносили в погреб продукты, при этом одна освещала другой путь при помощи керосиновой лампы, то и дело, вытирая краем платка выступающие скорбные слезы.

Постепенно все было сделано. Замолчала в хлеву сытая и подоенная корова, затихли овцы. Осиротевшие члены семьи легли спать и, не смотря на потерю отца, измотанные похоронными хлопотами, быстро уснули.

При ярком лунном свете, пробивавшемся в хлев через маленькое оконце, все еще жевала свежее сено корова. Через изгородь от нее поила ягнят своим молоком овца. По соседству с ними сидели на жердях курицы и петух, вход к которым был устроен отдельно и вел прямо в небольшой огороженный загон, а затем, через него и во двор. Остатки большой копны пахучей травы, что была брошена одним из сыновей покойного корове, медленно таяла, превращаясь в совсем небольшую кучку, которая сама собой еле заметно придвинулась к морде животного, избавляя того от необходимости сильнее вытягивать шею для продолжения трапезы. То же самое случилось и с кучкой травы в закутке у овцы. Потом кто-то крохотный и невидимый в темноте взрыхлил зерно в плошке для кормления домашней птицы, при этом свет яркой в эту ночь луны едва коснулся маленькой мохнатой лапки с черными острыми коготками, больше напоминавшей по виду человеческую руку в миниатюре, только спрятанную под обильным шерстяным покровом. Лапка исчезла в темноте хлева вместе с ее обладателем. А чуть позже под входной дверью прошмыгнуло что-то или кто-то, совсем крохотное, чье тело было покрыто густыми бурыми волосками. Этот кто-то или что-то не был похож не на крупную

крысу, не на кошку, не на обитателя окрестного леса, будь то куница или лиса, прибывшая в селение к людям, чтобы поохотиться на домашнюю птицу или мелкий скот. Этот кто-то тенью проследовал от хлева к собачьей будке, где дремал хозяйский цепной пес, исправно несший сторожевую службу, но, не смотря на это не отреагировавший на движение в темноте должным образом. Он лишь приоткрыл один глаз, потом приподнял морду, высунул язык, словно не видел опасность, а встречал кого-то до боли знакомого, кому был рад, от чего псиная морда приобрела радушный вид.

Из тени на небольшой, хорошо освещенный луной участок двора, прошмыгнуло что-то или кто-то, сделав это так быстро, что даже очень внимательный глаз не заметил бы этого, в самом лучшем случае приняв молниеносное ночное движение за быстрый бег шустрой кошки. После это нечто небольшое и темное появилось возле собачьей будки, от чего пес в ней высунул морду, радостно обнюхивая своего гостя, а затем он попытался лизнуть его, но не успел, потому как ногтистая мохнатая ручка или лапка перехватила его, слегка прижав к земле черный песий нос. В ответ тот явно решил поиграть с неведомым существом, но не успел. Гость моментально исчез, скрывшись где-то в темноте двора, отреагировав на появление вдали толстой крысы, скачками преодолевавшей участок возле забора, и проследовавшей от угла хозяйского дома к хлеву, где мирно дремал домашний скот.

Потом нечто или некто, со стороны выглядевший едва ли не как дикий зверек, стремительно прошмыгнул вдоль стены дома и остановился возле крыльца, где дремала хозяйская кошка. В воздухе очень тихо прозвучало что-то вроде резкого выдоха струи воздуха, от чего кошка встрепенулась и, подняв голову и выпучив удивленные и испуганные глаза, принялась со страхом смотреть на того, кто прервал ее ночной отдых. Через секунду мохнатая лапка с коготками резко и беззвучно отвесила кошке оплеуху, от чего та негромко взвизгнула, почувствовав боль и обиду и устремилась, будто по указанию, именно в ту сторону, где некоторое время назад обладатель когтистой лапки завидел толстую крысу. Со стороны могло показаться, что кошка была словно наказана этим существом за полное отсутствие бдительности со своей стороны, из-за чего грызуны вольготно чувствовали себя и перемещались по двору, как им вздумается.

Потом кто-то или что-то двинулся к входной двери, нырнул под порог сквозь тонкую щель в полу и растворился в ней, явно намереваясь проникнуть в дом. Уже в доме «он» сначала спрятался за печкой, тенью шмыгнув по полу вдоль стены, потом появился с другой стороны печи, где стояли кровати сыновей хозяйки и, теперь уже покойного, хозяина дома. Подойдя к ним, при этом прячась за кроватными спинками, «он» тихо прополз к подушкам, на которых спали молодые мужчины и медленно осмотрел лицо каждого из них, будто убеждая себя в их хорошем самочувствии. Удостоверившись в крепком сне и ровном дыхании последних, «он» тенью неслышно проследовал в женскую половину избы, проскользнув между тканевых занавесок. Побыв в полной темноте некоторое время, где также неслышно перемещался от одной дочери похороненного сегодня главы семейства к другой, убеждаясь в их здоровом сне, «он» скользнул сначала за комод, потом за сундук и появился возле хозяйской кровати, что стояла на «взрослой» территории избы. Медленно поднявшись на перину по деревянной стойке, «он» беззвучно приблизился к лицу женщины, которое немного было освещено лунным светом, льющимся из-за полупрозрачной, тонкой материи оконной занавески.

Хозяйка дома, сломленная потрясением утраты супруга и нервным напряжением последних дней, крепко спала, не смотря ни на что. «Он» стал смотреть на нее, будто любуясь родным и любимым человеком, к которому был давно и сильно привязан и даже предан. «Он» проверил ее дыхание, склонив свою не то мордочку, не то покрытое шерсткой личико к ее губам, от чего, попав краем носа под лунный свет, остановился и замер в этом положении. Потом «его» когтистая ручка медленно, как бы заботливо, провела по ее волосам, словно любовно

гладя по голове. «Он» еще какое-то время так делал, оставаясь в тени, а затем тихо лег возле женщины и, словно кошка, свернулся калачиком. Но долго так не лежал.

Беззвучно соскочив с хозяйского ложа и, тенью проследовав за печь, «он» появился на крыльце перед входом в дом, где увидел лежащую, как для отчетности, мертвую крысу, еще теплую и не окоченевшую. Кошки рядом не было, но запах ее еще оставался, подчеркивая ее недавнее здесь присутствие. «Он» снова тенью шмыгнул вдоль стены дома, проскочил под забор, появился возле собачьей будки, где, не разбудив чутко спящего сторожевого пса, проверил наполнение водой его миски. Потом устремился к хлеву, где прошел вдоль загонов всего скота и мимо курятника, заглянув в который внимательно осмотрел самую старую в нем курицу.

Видимо чувствуя «его» присутствие, птица зашевелилась, но продолжила спать. А «он», будто беззвучно произнося не то заклинание, не то молитву, шевелил в полной темноте губами и гладил ее по шее, крыльям, груди. Птица перестала вздрагивать, дыхание ее стало ровнее. А «он» приподняв взгляд, остановил его на кошке, что сидела в это время на чердаке сарая и бдительно сторожила появление своей очередной жертвы, наперед зная, что с нее потом за это спросят.

Недолго понаблюдав за животным, «он» проследовал по двору к дому, на ходу еще раз осмотрев все хозяйство, выглянул из-под ворот на улицу, где кинул взгляд в сторону хорошо освещенного луной терема колодца, потом туда, откуда еле виднелся тускло горящий костер ушедших в ночное деревенских подростков.

Наконец, словно успокоившись, «он» вернулся в дом, где, выглянув из-за печи, увидел неспящей хозяйку дома, которая в это время стояла на коленях перед иконами, молилась и крестилась. Тихо посмотрев на ее с укором самому себе, что не смог дать женщине крепкий сон, «он» беззвучно упал на колени позади нее и тоже стал кланяться образам точно так же, как делала она. «Он» закрывал глаза, будто читал молитву, кланялся, припадая лбом к полу, но не крестился, так как по сути своей не мог был крещеным. В недрах своей души «он» считал себя Божьим созданием, а потом глубоко верил и всегда, когда входил в дом не по срочной надобности, поворачивался к стоящим в красном углу избы иконам и отвешивал медленный поклон, делая это только в том случае, если дома никого не было.

Закончив читать молитву, хозяйка замерла на некоторое время, а потом спешно повернулась и посмотрела именно на то место, где только что был «он», будто бы почувствовала «его» присутствие у себя за спиной, но не испугалась, а как бы проверила его наличие. Из всех домочадцев она была единственной, кто почитала его, при этом никому не навязывая свое мнение о «нем». Женщина всегда оставляла что-нибудь из еды для «него», как бы роняя после трапезы крошечные кусочки хлеба на пол, но только в одно место, между ножкой массивного кухонного стола и стеной, где даже при уборке не всегда дотягивались тряпкой или веником. Она выполняла еле заметные простому взгляду ритуалы, как бы упрашивая «его» хранить дом, семью, хозяйство. А «он» с добротой принимал все это, видя в хозяйке благодарного человека, за что во всем помогал ей, приглядывая за всем и за всеми.

Словно негласно «он» стал ее добрым и на редкость трудолюбивым помощником, в любое время суток добросовестно выполнявшим свою работу тщательно и качественно. Стоило хозяйке отлучиться куда-либо, «он» непременно усиливал свою бдительность, контролируя все происходящее в доме, во дворе и огороде. Если она что-нибудь теряла и не могла найти, то утерянная вещь очень быстро находилась, причем непременно, таким образом, и в таком месте, будто бы ее подкинули туда. Если нерадивая курица уходила со двора и пыталась по недоумию своему прибиться к соседским птицам, то ее, непременно, будто кто-то подгонял назад, не давая отбиться от своих. Если вдруг из леса к дому начинала приближаться лиса или куница, то путь ее заканчивался, не доходя до намеченной цели. Ничего не понимающий дикий зверь,

будто бы натыкался на невидимую преграду или сталкивался с кем-то, через кого не мог пройти, а потому сворачивал с пути и уходил прочь.

Так было всегда. «Он» контролировал все и помогал во всем хозяйке дома. «Он» успокаивал ее плачущих детей, когда те были маленькими и могли свои плачем мешать матери выполнению домашних дел. «Он» пробирался к ним в подвешенную к потолку за крюк люльку и забавлял их в ней, играя с ними или заставляя их заснуть. Оберегал их от холода, укрывая одеяльцем. Лечил своими заговорами, если чувствовал подступающую к ребенку хворь, или предупреждал об этом кого-либо родителей, порою даже имитируя кашель простуженного организма, вынуждая взрослых начать обращать на это внимание и принимать меры.

С тем самым Василием – первенцем в простой крестьянской семье, когда тот был еще младенцем, «он» проводил много времени, веселя его и оберегая, забавляясь с ним и засыпая с ним вместе в его люльке, словно мягкая меховая игрушка. Этим однажды «он» чуть не выдал себя людям, чего среди таких как «он» никогда не делается ни при каких обстоятельствах. А «он», тогда еще по молодости своей, сам крепко уснул в детской люльке с ребенком, едва не проспав приход в дом отца семейства, а потом и его супруги. Лишь каким-то чудом и ловкостью, «он» избежал встречи с людьми, не попался им на глаза, ускользнул в своей манере, оставшись не замеченным. А потом, сделав соответствующие выводы, «он» больше никогда не засыпал рядом с человеком, всегда отправляясь спать ближе к печи, в подпол или на чердак, в те укромные места, такие личные лежки, где «его» не мог найти никто и никогда, кроме «ему» подобных.

Но, несмотря ни на что, «он» считал себя полезным и преданным другом отцу семейства и его жене, о существовании которого они ровным счетом ничего не знали, не подозревали, а он все равно, всегда присутствовал где-то рядом и был привязан к ним.

В разговорах и на посиделках они с детства слышали о «нем» из рассказов стариков. Смеялись над тем, как деревенские старушки задабривали таких как «он», поучая этому же своих малолетних внуков. А те в ответ пытались поймать «его», устраивая засады на «него» и ставя приманки. На что кто-то из «его» среды, особенно самый молодой, с радостью принимал навязываемую ему игру, подшучивая в ответ над глупыми еще детьми, ставя их в неловкое положение или даже наказывая, если в «его» адрес делалось что-нибудь недоброе.

И как бы к «нему» не относились люди, «он» был привязан к дому и всегда верно и преданно служил живущей в нем семье, помогая приглядывать за детьми и имуществом. Не при каких обстоятельствах «он» не предавал их, не уходил в другой дом, к другим людям, оставаясь тайным хранителем домашнего очага, которому можно было доверить все, что принадлежало этой семье.

Если вдруг хозяева оставляли растопленную печь без присмотра, он бдительно следил за ней, не давая случайным искрам выскочить из топки и натворить беды. Если при этом «он» замечал появившуюся в кладке трещину, через которую в дом начинали проникать продукты горения, то мог даже сам заделать ее, забив припасенной заранее глиной. Но, если возможности такой у «него» не было, то давал знать о беде хозяину. «Он» оповещал его каким-либо хитрым способом, порою с имитацией звуков, подражая гуляющему сквозь жерло печи ветру, хоть этого и не могло быть. А если в хлеву начинала мучаться хворью корова, овца или курица, то «он» сам мог исцелить ее своими заговорами. Когда же «он» был не в состоянии этого сделать, то давал знать о беде главе семейства, по-своему подзывая его к скотине, ловко пародируя издаваемые ею звуки.

Появился «он» в этом доме и в этой семье несколько десятков лет назад. Привел «его» к еще возводимому деревянному срубу отец, показывая «его» будущее владение. А «он» смотрел, как работают на строительстве люди, удивляясь их сноровке, когда очередное обработанное топором бревно ложилось так, что постепенно формировалась каждая из стен, а потом и вырастал весь сруб, со временем превращаясь в пахнущую свежим лесом постройку. Ничего

не говоря, как было принято среди «них», отец давал понять, что ему, как молодому соглядатаю нового дома придется, по природе своей, приглядывать за всеми, кто будет тут жить, за их имуществом, за скотиной. А «он» удивлялся этому, волновался за возлагаемую на него ответственность и впитывал в себя слова своего отца, дававшему понять «ему», что у всех у «них» такая природа. И по этой причине «ему» не остается ничего, кроме как служить людям, как делали его отец и мать, дед и бабка. У каждого в их роду был свой дом с живущими в нем, иногда целыми поколениями, людьми. Были под неусыпным контролем хозяйские дети, внуки, домашняя скотина, надворные постройки, запасы на зиму, продукты в погребе и многое другое, что должно было сохраняться, чтобы в доме всегда были люди, без которых «им» никак нельзя было существовать.

И грош цена была такому из «них», кто не мог должным образом присматривать за вверенным ему судьбой хозяйством, от чего люди могли покинуть дом и больше никогда в него не вернуться. Сущность каждого их «них» заключалась в наличии под личным присмотром такого владения и обязательном проживании в нем людей. Будто бы сами «они» и были для того созданы Богом, чтобы нести функцию ангелов-хранителей, жить невидимыми подле человека, оберегая все, что принадлежит ему. Этому и учил «его» отец, своим личным примером доказывая верность и преданность конкретному дому и конкретной семье, где все и всегда шло гладко, без пожаров, мора, разрушений и сильного голода. Где каждый закуток, каждый уголок и каждая вещь не оставалась без «его» контроля. Где ни одна мышь не могла взять на прокорм больше зерна, чем «он» считал нужным. Где само количество мышей регулировалось тоже «им», когда он заставлял работать домашнюю кошку.

Беззвучными словами, не произнося ничего, как практиковалось в общении между «ними», отец передавал науку сыну, обучая его практике заклинаний для лечения заболевших людей и захворавших животных. Он рассказывал ему об организации быта и работы домочадцев, о ведении домашнего хозяйства, ухода за скотиной и сохранении продуктов питания, о праздниках и верованиях. Ссылался он, при этом, только на «их» традиции и опыт, подтверждая сказанное своим личным примером, поясняя те или иные действия тем, что когда-то сам видел, проживая под одной крышей с отцом или матерью, потому как в «их» среде были крайне редки семейные подряды по присмотру за жильем людей. «Они» не обитали семьями, оставаясь по одному на один жилой дом.

Не в меру эмоциональная мать, доставлявшая своим присутствием немало хлопот в том жилище, где «она» была хранителем, не могла передать все тонкости «их» бытия сыну, от чего его воспитанием занялся куда более уравновешенный по характеру отец, предпочитавший вполне мирное и абсолютно негласное, совсем тихое существование возле людей. Мать же любила праздники, шумные веселья, иногда практиковавшиеся в «их» среде, где самые взбалмошные могли подчеркнуть свое существование людям, заставляя их верить в «них». «Она» могла беспокоить жильцов дома, издавая пугающие звуки, выдававшие «ее» присутствие и заставлявшие тем самым взрослых членов проживавшей в доме семьи искать спасения, часто крестясь и произнося молитвы. С таким характером «она» не могла передать сыну всех тонкостей производимой «ими» работы, возложив все обязанности по воспитанию подрастающего поколения на плечи отца.

Тот же с радостью принял на себя все заботы. Растил сына, держа его постоянно возле себя, всячески оберегая и поучая. Его мирное существование возле людей, основанное на постоянной полнейшей скрытности и тщательности выполнения всех дел, внесли в характер ребенка задатки трудолюбия, скромности и постоянного чувства радости за проделанную работу. Только в этом случае со стороны явно наблюдался покой в живущей в доме семье, ее достаток и хорошее здоровье у каждого.

Однако, не в меру уравновешенный, тихий и всегда довольный выполняемой им работой отец, у которого все шло гладко и, вполне спорились дела, упустил подготовку сына к тем

ситуациям, когда что-то могло пойти не так. Ребенок не знал и понимал, как нужно ему будет вести себя тогда, когда в доме случалось что-то страшное, происходили эпидемии, бывал голод, когда между людьми возникали конфликты и бывали драки. Не ведал «он», как быть ему при этом, какую роль выполнять и что делать. У «его» отца все дела шли так четко и гладко, что вся жизнь в доме протекала мирно, в сытости и достатке. А к возможным отклонениям в сложившейся стабильности мог подготовить лишь личный опыт и закалка, которых у сына еще не было, по причине отсутствия еще самостоятельного пригляда за своим домом и проживающих в нем людей.

Такой скоро нашелся. Посовещавшись среди «своих», отец направил сына туда, предварительно часто приводя его на место возведения будущей жилой постройки, в которой вот-вот должна была начаться жизнь простой трудолюбивой русской крестьянской семьи, где много работали и почитали Бога. С любопытством поглядывая на стройку со стороны, «он» впитывал последние наставления своего отца, готовясь к самостоятельной жизни среди людей. «Он» уже хотел туда, хотел поскорее проявить себя на новом месте, хотел показать родителю, что нисколько не хуже его самого, что тот хорошо его научил и потому он преуспеет в своем доме, где все будет идти также гладко, ровно и размеренно, как было поставлено дело у отца.

Но отсутствие опыта дало свои плоды в первые же дни «его» обитания в новой, еще пахнущей свежим лесом избе. Желание поставить все на свой лад и подчинить своему порядку, сбило еще совсем юного хранителя с намеченной цели, одновременно с этим дав ему первый, весьма горький опыт и преподнеся не малую науку.

Молодой хозяин дома, как водится в крестьянских подворьях, построил сарай, сделал небольшой загон и впустил туда десяток кур с петухом, что были подарены ему для самостоятельной жизни родителями, отпустившими наследника в самостоятельную жизнь. «Он», в свою очередь, решил тут же навестить новых обитателей места своего контроля и по-хозяйски наведался в курятник, давая понять, кто тут истинный хозяин и за кем будет настоящий пригляд. Однако, обладатель птичьего гарема – красивый рослый петух, оберегавший свою многочисленную семью от посягательств конкурентов и непрошенных гостей, не принял «его», считая излишней демонстрацию «его» намерений. Как гордая птица, уже немало поживший на свете петух, несомненно, знал о существовании хранителя в каждом доме и уже имел опыт общения с таковым по месту предыдущего проживания. Но тот, кого он увидел в новом хозяйстве, оказался, по его мнению, не то что слишком молодым, но еще нахальным и наглым, словно «он», прежде всего, является контролером или учетчиком, а не тем, на совести которого должен быть тщательный пригляд и оберегание всего, что тут есть. «Он», в свою очередь, рассчитывавший видеть полное понимание со стороны подопечных, как было в доме его отца, повел себя излишне напористо, от чего вызвал бурю возмущения у гордого и самовлюбленного петуха. Быстро, без каких-либо располагающих к себе заискиваний с глупыми птицами, «он» напрямую попытался подойти к каждой из них, собираясь быстро и бесцеремонно посмотреть на отдельную курицу и, как бы, познакомиться с ней.

Взъерошенный, весь в пыли, с выпученными глазами и растерянным взглядом, «он» появился перед своим отцом, который, по прозорливой природе своей, тут же определил причину такого вида сына, своим видом сказав ему:

– С петухом, что ли подрался?

Тот ответил ему жалостливым взором, едва что не роняя от досады слезы, показывая выражением не то лица, не то мордочки полную потерю контроля над собой и над ситуацией. Отец, не в силах сдержать навалившиеся эмоции, залился радостным смехом, от чего даже свалился на траву и стал кататься по ней, продолжая громко и неудержимо смеяться над оплошностью сына. От растерянности «он» не знал, как в ответ повести себя. Стоял и смотрел на неудержимо потешающегося над ним отца, от которого ждал если не утешения, то хотя бы понимания и доброго совета.

Возвращаться назад, туда, где возникли неожиданные проблемы, «он» уже не хотел. Не хотел снова окунаться в самостоятельность, так дорого отплатившей ему за приложенные старания и, как он думал – усердие. Ему хотелось вновь остаться с отцом и жить той беззаботной жизнью, что была у него до этого времени. Хотелось прежнего тепла и любви со стороны родителя, какой он был наделен до этого, от чего не ведал трудностей, находя радость в занятиях с простенькими игрушками, что появлялись у него после того, как их теряли хозяйские дети.

Но не принято было так в «их» среде, чтобы бросались переданные под присмотр каждому из «них» жилые дома, оставлялось без надлежащего присмотра хозяйство. А потому, вытирая уже льющиеся от страданий слезы, «он» вернулся назад, предварительно выслушав от отца новые наставления и советы по поддержанию порядка среди домашней птицы и скота. На душе ему было тяжело. Энтузиазм начала самостоятельного пригляда за человеческим имуществом пропал окончательно. А будущее казалось ему мрачным, промозглым и неутешительным. Придя домой, он изолировался от всего в укромном уголке и не покидал его несколько дней, только улавливая, по привычке и природе своей голос хозяина, жаловавшегося самому себе или кому-либо еще о трудностях, о потерях, о заботах, которые так и не решались, будто кто специально мешал ему. А «он» так и не мог понять, что без его личного участия не состоится почти не одно дело в доме и постоянно будет что-нибудь не получаться в работе и уходе за хлевом и огородом.

Наконец, до ушей «его» докатились слова хозяина о намерении поехать на рынок уездного города с целью покупки там, в том числе, нового молодого петуха для замены старого, как переданного ему во временное пользование отцом и матерью и которого он намеревался вернуть в родительский дом. Услышав это, «он» воспрял духом и, насидевшись вдоволь в своем укрытии, наконец-то выбрался из него и начал возобновлять все дела, что забросил едва ли не полностью, после перенесенного потрясения с гордой домашней птицей, участь исчезновения которой уже была предрешена.

К счастью для «него» купленный молодой петушок оказался совсем юным, только что оторванным от родительского курятника и так же начавший самостоятельную жизнь. А «он» в ответ, учитывая неприятный первый опыт, взял того под свою опеку, проводя много времени с новой птицей, опекая и воспитывая его, что называется «под себя». Петух, по неопытности своей, принял всю заботу о нем и стал слушаться хранителя во всем, становясь ему не только подчиненным, но еще и другом, от чего радовался каждому «его» появлению, заранее зная, что получит от «него» угощение в виде пары вкуснейших земляных червяков.

В свою очередь «он» заметил, что его подопечного постоянно притесняют и обижают бывалые курицы, не давая тому прохода, отгоняя его от поилки, от кадушки с едой и гоняя по загону, вынуждая несчастного петуха прятаться от них, забиваясь куда-либо, где он мог стать недосягаемым для обидчиц. В ответ «ему» пришлось вмешаться в ситуацию, поставив на место взорвавшуюся до крайней степени неуважения домашнюю птицу, поднявшую бунт против молодого владельца куриного гарема. Порядок был быстро восстановлен теми методами, которыми владеют только «они», подчиняя себе все и всех, кто попадает под «их» персональную опеку. А в скорее и сам петух подрос, начал петь свою песню и нести свою службу самым должным образом, как и было положено ему его природой.

Постепенно и все остальные новички строящегося и развивающегося хозяйства были подчинены «ему», как хранителю. Слушались его во всем, поддавались его заботам и контролю и воспринимали его именно так, как и было положено, зная наперед, что «он» и предназначен для заботы обо всем и обо всех.

Молодой хозяин нового дома, после отделения и начала самостоятельной жизни, оставил родительское жилье, привел в дом молодую хозяйку – свою жену, с которой сыграл довольно пышную, по деревенским меркам, свадьбу. Та, в свою очередь, оказалась под стать супругу.

Такая же шустрая, трудолюбивая, с заботой выполнявшая все то, что от нее, как от хозяйки, требовалось.

Оказавшись, волею судьбы возле такой семьи, «он», как и отец его, словно по наследству перенял вполне себе спокойную жизнь, где все шло ровно, и не было большой необходимости вмешиваться в происходящее по каждому поводу. Но потом стали появляться дети. Родился первенец Василий, прибавивший своим появлением забот, как и всем членам, тогда еще не многочисленной крестьянской семье, так и «ему», что по природе своей должен быть приглядывать за малышом и за его матерью своим особым, не человеческим чутьем, чтобы иметь возможность заранее избегать любых неприятностей. И «он» это исправно делал. Веселил малыша, когда тот капризничал или отлучалась из дому мать. Помогал ему заснуть, если у молодой хозяйки не было возможности убаюкать ребенка. Проверял, не заболел ли он и давал знать его матери, что пора менять мокрые пеленки.

Василий рос без забот, крепким и здоровым мальчиком, радуя родителей, помогая им во всем и становясь постепенно их будущей опорой, старательно перенимая все навыки труда и ведения крестьянского хозяйства. Со временем у него стали появляться братья, наполнявшие своим присутствием радостью, детским смехом и новыми заботами дом молодой крестьянской семьи. Общими усилиями, «его» и хозяев, мальчишки тоже не доставляли хлопот капризами, болезнями. Росли они здоровыми, вполне себе крепкими, под стать брату и отцу, впитывая в себя основы сельской жизни.

Когда старший рубил дрова или уходил пасти коров, что делалось в их деревне по очереди каждым домом, второй брат повсюду следовал за отцом, быстро приучая себя быть ему помощником в делах. Третий брат, почти самый юный в семье, едва учился ходить, но при этом уже старательно помогал матери, то, подавая ей полено на растопку печи, то, стараясь зачерпнуть кружкой воды из ведра, чтобы дать ей. Самый маленький сынок, еще крошечный, только начал жить, появившись на свет, а потому еще лежал в своей, подвешенной за крюк в потолке, колыбельке, где, как правило, тихо спал, подрастая на радость родителям.

Тот, что был самым маленьким и несмышленым, автоматически становился для «него» объектом повышенного внимания, особой опеки и настоящей любви в том ее проявлении, что мог дать ребенку только такой, как «он». Находясь в доме, когда у «него» не было особых дел, он пристально наблюдал за малышом из своего укрытия и появлялся прямо возле него сразу, как только мать выходила куда-либо за дверь. «Он» мурлыкал малышу колыбельные, убаюкивал его и что-то по своему пришептывая, отгонял хвори, сглазы и наговоры. Когда мальчик начал подрастать, «он» стал играть с ним, веселя и потешая ребенка. Старался при этом «он» так, что едва не вызвал подозрение в своем присутствии в доме его хозяйки.

Мать семейства – женщина молодая, набожная, трудолюбивая, давно имела основания предполагать о существовании в ее жилище некого постояльца, который никогда и никому не показывается на глаза, ничего не требует и не просит, ни в каком проявлении не выдает себя, но при этом все время выполняет функцию добровольного помощника и хранителя, тщательно оберегающего дом и семью. Только этот кто-то вел себя так, что ни разу не дал повода ей усомниться в своих добрых намерениях. Как будто всей своей сущностью, своей природой, он был предназначен этому дому и этой семье.

Подозревая это, молодая женщина отнеслась к «его» присутствию в доме вполне сдержанно, лишь по привычке трижды перекрестилась перед образами. Она заметила, что от «него» ей только польза. Ничего не пропадает, все всегда под рукой. Что теряется, то быстро находится. А нужные предметы и вещи, как бы сами собой оказываются в нужном месте. Никогда не болеет ничем скотина и домашняя птица. Мыши не особо заметно грызут ее запасы. У мужа в поле дела спорятся и идут куда лучше, чем у кого-либо в деревне. А главное – дети ее растут крепкими и никогда не болеют.

Сделав такие выводы и, помня с детства рассказы стариков о «них», она стала «его» незаметно задабривать. То хвалила вслух, когда была в доме одна, чтобы ее никто не слышал. То, как бы невзначай, оставляла на видных места, а потом и в укромных уголочках, крохотные сладости или просто кусочки еды. А потом сама примечала, что их там нет, прекрасно видя, что отсутствие мышиных следов говорит именно о «его» присутствии. Так с хозяйкой дома у «него» сложились негласные отношения и полное взаимопонимание, основанное на общих заботах. «Он» понимал, что о нем она догадывается, но, как всегда это было, по природе своей, «он» таки не выдавал себя, а тихо и спокойно делал свое дело на благо живущего в «его» доме человека.

Однако, случались и небольшие казусы и происшествия, в том числе и по «его» вине, когда по молодости и неопытности он упускал что-то, а потом исправлял, благо, что замечал вовремя случившееся.

Так, едва по недогляду «его», чуть не вывалился из колыбельки подросший Василий, с которым «он» перед этим активно играл. Мальчика «он» успел, в итоге, подхватить на руки или на лапы, когда тот едва не коснулся телом и головой пола при падении. В другой раз, уже второй сын хозяев – маленький Сергей, учась ходить, смог самостоятельно дойти до оставленного матерью ведра с водой и заигравшись, опрокинулся в него всем телом, от чего голова его и плечи оказались погруженными в воду, а ноги оставались вверху. Подоспев во время «он» спас ребенка, не дав ему даже нахлебаться воды. В туже секунду в дом вошла мать, которая так и не поняла случившегося, отметив только, что малыш ее всего-то наплескался в воде, от того и весь мокрый.

Хуже была история с третьим ребенком – Николаем. Тот, каким-то нелепым образом, опрокинул на себя чугунной с кипятком, сильно ошпарился и немало потому натерпелся боли и страданий. «Он», в свою очередь, сильно ругал себя за недогляд за ребенком, сам много плакал, а потом молился за ребенка, стоя на своих мохнатых коленках перед иконами как в укромном уголке, откуда они были видны, или ночью, прямо на полу, когда все спали. «Он» забирался в колыбельку к малышу и шептал над тем заклинания и молитвы целыми ночами напролет, не жалея себя. По прошествии нескольких дней, общими усилиями ребенок стал поправляться, а от ожогов его на теле не осталось и следа.

Именно так всегда «он» лечил своими заговорами и молитвами к Богу всех членов семьи. Заговаривал порезы, беспокоящие мозоли, укусы насекомых. Улавливал наличие сглазов от недобрых людей и избавлял от них, беззвучно нашептывая что-то ночами над спящим человеком. Так поступал он и с домашней скотиной, не давая ей подхватить хвори, и с урожаем в огороде, в саду и в поле, приговаривая заклинания и молитвы. Он заботился о доме, в котором жил сам и о людях, существование возле которых было смыслом его бытия.

Давняя мечта «его» о наличии под его контролем человеческого дома и хозяйства, где все спорится в деле, как когда-то у его отца, сбылась. «Он» был счастлив и усердно благодарил Бога по воскресным дням, когда вся семья отправляла на службу в церковь, а сам «он» оставался, как положено, дома. В это время «он» не только приглядывал, как обычно, но еще и старательно молился, щедро отвешивая поклоны образам и славя Господа за посланное ему счастье быть на своем месте, быть возле людей, охранять их покой и заботиться о них.

«Он» прекрасно помнил тот день, когда молодой хозяин привел в дом свою жену. Помнил смущение на лицах обоих, которое удивляло его по неопытности и молодости своей. Помнил, как начинали они жить и с искренними улыбками на лицах друг друга делали домашнюю работу, ходили на покос, в поле, в церковь, на праздники. Их семья начиналась на «его» глазах. Он робко и испуганно наблюдал за ними их своих ловких укрытий, как положено, не выдавая себя и постоянно прячась по природе своей. А потом все равно «он» нашел время и сбежал к отцу, чтобы поделиться новостью и похвастаться зарождением на «его» территории семьи.

Тот радостно выслушал сына, наделяя его в ответ разными мудростями и советами, подсказывая как тому быть, как дальше вести себя и чего делать или не делать. А «он» внимательно слушал и впитывал родительскую науку, чтобы стать ему еще лучше и не опозориться перед отцом, как это уже случилось в его истории с петухом.

Тогда же отец решил сам посмотреть на то, как устроился в жизни его сын и отправился с ним на его территорию. Издали родитель посмотрел на молодого хозяина дома, на то, как тот что-то делал во дворе. Не найдя для себя ничего примечательного он лишь сказал тогда сыну, что с человек у «того» порядочный, трудолюбивый и не глупый. Но, посмотрев на хозяйку, тогда еще совсем юную девушку, отец остановил на ней взгляд и долго еще присматривался, словно изучал ее. Он наблюдал за ней, бороздя пристальным взором по всему, к чему та прикасалась. Следил за ее движениями и походкой, смотрел, как та молится перед сном и перед каждым важным делом, которое ей предстоит. Он почти не отводил от нее глаз, но не любовался при этом и не праздно смотрел, а именно наблюдал, следил, изучал ее. Отдав этому занятию некоторое время, он негласно, как было принято в «их» среде, сказал сыну, что та женщина не совсем обычная, что ей дано делать что-то, что не подвластно другим людям, и «он» должен тщательнее оберегать ее и заботиться о ней.

Сын с искренним удивлением выслушал отца и обещал сделать все со своей стороны, чтобы хозяйка дома жила под его усиленным контролем. Но в душе его сразу же возник вопрос: «Что же в ней такого необычного? Чем она отличается от остальных?».

На что последовал ответ, данный после непродолжительного раздумья, потраченного на то, чтобы подбирать нужные слова:

– Когда в сельскую церковь привезут монахини чудотворную икону, все деревенские пойдут туда на молитву. Ты тогда сам проводи ее до храма. Только веди ее не прямо, а стороной, где народу поменьше будет. Сделай так, чтобы она встретилась по пути с самой старой монахиней. Тогда все сам поймешь.

– А как же я ее проведу? Да еще и монахиней нужной сведу в дороге? – Пожал мохнатыми плечами сын, хлопая веками на широко открытых от удивления глазах, выдававших его отцу всю комичность складывающейся ситуации, когда молодой отпрыск не то что не имеет достаточного опыта и сноровки в «их» делах, но еще и не пытается задуматься над продвижением дела, желая во всем положиться на родителя.

Тот ответил ему легким покачиванием головы, давая четко этим понять, что в силах сына решить эту пустяковую задачу и обставить все так, чтобы все создалось как само собой.

Немало времени потом «он» отдал обдумыванию слов отца. Стоял перед иконами в красном углу избы, произнося молитвы о помощи ему в деле. Ходил в то село, где располагалась ближайшая церковь, проводя немало времени в пути и осмыслении факта необычности хозяйки дома, в котором «он» был хранителем.

Через некоторое время он даже обратился к матери, попутно рассказав ей обо всем, что происходило с ним с того времени, как он остался с отцом, а потом и вовсе начал самостоятельную жизнь в заселенном людьми доме, что было так важно для таких, как «они». Но, вопреки его ожиданиям мать выслушала его довольно праздно, не вдаваясь в детали, не обращая внимания на подробности, со скукой на мордочке пережевывая что-то, периодически предлагая это в качестве угощения сыну. Он отказывался, продолжал свое повествование, всякий раз подводя рассказ к истории с хозяйкой дома и тем выводам, что сделал о ней его отец. Мать в очередной раз равнодушно выслушала его, снова прожевала очередной кусок какого-то растения, протянув его сыну для угощения. Тот вновь поморщился, демонстрируя отказ, наивно рассчитывая на совет или помощь. Но, мать с демонстративным упорством и равнодушием, отказывалась вникать в подробности, доводя его до злобы к ней, которую он никак не мог проявить, потому что одновременно был рад видеть ее и, как сын, соскучился по ней.

Наконец поняв, что ничего от нее не добьется, «он» прекратил свои попытки штурма материнского сознания и просто расслабился, чтобы побыть с ней, надышаться родным существом. Возвращаясь от матери «он» еще долго размышлял над тем, с кем ему еще можно посоветоваться. Перебирал тех, с кем когда-то из «их» среды встречался его отец, к кому они ходили в гости. Только таковых было совсем немного, потому как у «них» было принято собираться в компаниях только взрослым, а детей оставлять дома. В результате «он» так и остался один на один со своими мыслями, остановившись на том, что изучит все возможные подходы к храму, чтобы провести хозяйку дома, по совету отца, сторонним путем.

В нужный день, довольно заблаговременно, «он» уже знал о приезде в храм монастырской чудодейственной иконы, сопровождаемой монахинями и наличием большого количества местных жителей и паломников, изъявивших желание поклониться святыне и помолиться ей. Дождавшись сборов матери семейства, он направился за ней следом, уже зная наперед, что в укромном месте сидит в кустах и дожидается его сигнала черная, чутко некрасивая лохматая кошка, завидев которую любая деревенская баба сменит маршрут движения и направится в обход. Для подстраховки «он» подговорил еще одного бездомного облезлого кота черной масти подыграть «ему», чтобы заставить нужную женщину идти именно не по главной улице, где шли все верующие, а по сторонней, дальней дороге, что подходила к храму не с парадного входа.

Там же располагался дом, где проживал настоятель храма. «Он» логично предположил, что прибывшие с иконой монахини будут жить именно в этой избе, а не где-нибудь еще. Чтобы вызволить одну из них и отвлечь от святых дел, привлекая к делам мирским, «он» накануне изрядно побеспокоил жителей одной постройки чисто «своими» методами, вынудив их не спать пару ночей, проведя их в молитвах и одновременном сквернословии. Этим они адресовали проклятия и «ему» и прочим, кого считали нечестью, что выводится только пастырями и святой водой.

Сделанное дало свои плоды. Хозяйка того дома, где таких как «он» не жаловали, а потому никого из «его» среды там не проживало, побежала искать спасения к приехавшим в село монахиням. Те, в свойственной им форме женщине в помощи не отказали. Но по делу с силами потусторонними уговорили пойти с ней самую старую и опытную из их числа. Прихватив с собой Святое Писание и флакон со святой водой, монахиня побрела за просительницей, так как отказать ей не могла, а дело борьбы с нечистью было для нее самой обыденным.

Проследив за ними, «он» почти перекрестился, подняв темные глаза к небесам, и устремился к подговоренным животным, опасаясь в их использовании только за то, что некрещеные и разнополые кот и кошка, предпочтут любовную утеху благому делу. Вопреки «его» домыслам, бездомные представители семейства кошачьих проявили чудеса хладнокровия и исполнительности, несколько раз четко отыграв отведенную им роль. Целая вереница деревенских баб сворачивала с пути и двигалась к храму сторонней улицей, сплевывая через левое плечо при виде обезображенных и похожих, с их слов – на чертей, кота и кошки.

Наконец, появилась она самая, для которой «он» и устраивал весь спектакль, старался изо всех сил и не спал несколько ночей. Женщина тоже испугалась появления черных лохматых бестий, издававших зловещие мяуканья, от чего свернула в сторону. Для верности, кот и кошка, получив от «него» сигнал, ускорили ее шаг, атаковав беспомощную сзади своими криками и попытками наброситься на несчастную.

Дело было сделано. Расчет оказался верным. Из калитки дома с перепуганными насмерть жильцами появилась престарелая монахиня. В нескольких шагах возле нее уже была хозяйка «его» дома, шедшая быстро, словно уходила от преследования, от чего постоянно оборачивалась назад.

– Аль боишься кого, матушка? – услышала женщина вопрос, от которого выдохнула и сама она, увидев монахиню, и «он», от исполнения задуманного.

У покосившегося забора, находясь в гуще высокой пыльной травы, на «него» смотрели кот и кошка, ожидая знака одобрения выполненного ими задания. «Он», уже радуясь исполнению задуманного, махнул им, зная наперед, что в данный момент, по природе своей, он остается видимым только им или себе подобным.

– Бес попутал, матушка! – бегло ответила ей перепуганная до этой секунды хозяйка «его» дома, моментально расслабившись от того, что в лице монахини получила защиту от всех страхов и предрассудков.

– А ты водицы святой испей, – протянула та женщине сосуд, который несла с собой.

– Благодарствую, матушка, – прозвучало от страждущей.

«Он» неторопливо наблюдал из своего укрытия за диалогом встретившихся по его старанию монахини и хозяйки дома, ожидая непременно увидеть ответ на наболевший у него вопрос о необычности последней, что должно было вскрыться при встрече с первой. Прояснение не заставило себя долго ждать. Глаза монахини сказали «ему» все. Взгляд ее поменялся, когда она увидела вблизи лицо встреченной женщины. Выражение лица и глаз ее стало точно таким же, какими «он» видел у своего отца во время наблюдения им за хозяйкой дома. Точно также тот смотрел за ней, разглядывал, не отрывая взгляда, вчитывался в жесты, в движения. Сейчас все тоже «он» наблюдал у пожилой монахини. Тот же взгляд и внимание. Она изучала случайно встреченную паломницу, разглядывая ее лицо и руки, вглядываясь в глаза.

– А ты знаешь, матушка, – начала говорить старушка, не отводя взора от лица собеседницы, – что Господь тебя редким даром наделил?

Та в ответ удивленно посмотрела на пожилую женщину, на секунду оторвавшись от сосуда со святой водой, которую только что пила маленькими глотками.

– Пойдем со мной, – тихо продолжила монахиня, не дожидаясь встречного вопроса от паломницы. – Такой дар нельзя прятать. Его надо с пользой применять. За это люди тебе благодарны будут.

Она почти, что взяла под руку свою собеседницу и, приняв у той опустошенный сосуд с водой, повела ее в сторону храма, куда и собиралась вернуться. «Он» пристально наблюдал за ними со стороны, провожал взглядом, удивляясь прозорливости своего отца, так точно предсказавшим ему необходимость встречи хозяйки «его» дома и престарелой монахини. В эту минуту «он» чувствовал себя состоявшимся хранителем людского жилища и отдельной семьи, во имя и на благо которой провернул целый спектакль, сведя воедино несколько судеб, и давая начало чему-то важному, что должно было появиться у матери семейства «его» дома.

– Те ведь скотину всякую исцелять можешь, – твердила старая женщина паломнице. – Господь тебя особым даром наградил. А чтоб ты его применять смогла, я тебя молитве чудодейственной научу. Не у всякого она сработает как у тебя. Ты ее запомни. Будешь хворающую животину лечить, без которой людям в деревнях жизни нет.

Они вместе зашли в дом настоятеля храма, куда и «он» проник за ними теми путями и таким способом, что были ведомы лишь «ему» подобным. Попав в помещение, чем являлась трапезная и, одновременно, светлица дома священника, «он» стал наблюдать за женщинами, между которыми началась оживленная беседа, в ходе чего паломница отказывалась принимать дар как должное, стесняясь, по деревенской простоте своей, предлагаемого ей. А монахиня все твердила ей свое спокойным и ненавязчивым тоном, будто терпеливо подводила собеседницу к неизбежному принятию правильного решения. В конце концов, та сдалась, после чего старушка начала произносить текст молитвы, прямо и просто, широко открытыми глазами глядя в лицо пришедшей к ней. Та повторяла за ней слово в слово, заучивая не очень длинный и довольно простой текст, таинством которого были не слова, а душа того, кто его произносит.

– Теперь тебе исповедаться надо и причаститься, – завершила их беседу пожилая монахиня. – Вот тогда все на место встанет. Люди к тебе обращаться будут, а ты им не отказывай.

Слышишь, не отказывай. Всегда приходи на помощь страждущим, тогда сила будет в твоей молитве.

Только теперь для «него» стало все ясно. Вот о чем не договаривал его отец. Вот что было той необычностью у хозяйки «его» дома, что таилась в ней, и ждало своего часа. «Он» понял все и с чувством выполненного долга направился домой, решив по пути зайти к отцу, чтобы поведать ему подробности хранившейся тайны. Но уже по дороге, «он» решил этого не делать, посчитав себя полноценным хранителем, взрослым, опытным и настоящим, будто сдавшим сложный экзамен на профессиональную пригодность. Гордый собой «он» шагал к своему дому, расправив мохнатую грудь и маленькие плечи, взирая по сторонам с высоты своего крохотного роста. Свершилось то, к чему он стремился по научению родителя. Та, кого он считал хранительницей родного очага, стала, словно его родной душой, способной даже на то, чего он сам в полной мере не умел, но считал необходимым помогать ей, потому как дело ее теперь было самым благим, по его мнению.

Жизнь семьи в «его» доме шла своим чередом. Укреплялось домашнее хозяйство. Вслед за старшим сыном, появился на свет еще один, крещеный Сергеем. Но едва тот увидел белый свет, как главу семьи призвали в армию, куда вместе с ним отправились еще многие и многие мужики с их деревни и соседних селений. Бабий вой прокатился по окрестностям. Избежавший, по существовавшему жребию, призыва в мирное время, хозяин дома был призван на службу в тот период, которого боялись абсолютно все люди. Тогда и «он» впервые услышал это странное для него слово «война», ничего не зная об его значении.

– Что это? – смотрел «он» на своего отца, беззвучно направляя ему вопрос.

– Что-то очень страшное, – пожимал тот маленькими мохнатыми плечиками, – если все так на него реагируют, воют в голос, льют слезы и виснут на плечах своих мужчин, будто никогда их больше не увидят.

Но кроме как отсутствие в доме главы семейства, ничего больше для «него» не поменялось. Только хозяйка почти перестала улыбаться и трепетать возле печи, приговаривая своим детям, что их отец вот-вот должен вернуться с поля уставшим и его надо будет покормить, потому что он целый день усердно работал, возделывая землю. Теперь она его не ждала. Вернее, ждала, но не к вечеру, как обычно, а вообще. Она подолгу просиживала возле окна, почти не моргая, вглядывалась куда-то вдаль, туда, куда уходила проселочная дорога, что вела прямо к их дому. С той стороны, именно по этой дороге обычно возвращался с поля ее супруг. Ехал ли он на запряженной телеге, верхом ли на лошади или пешком, он всегда появлялся с той стороны. А она редко видела его из окна, как правило, потому что находилась в это время в хлеву иди во дворе, и быстро перемещалась к печи, к столу, что-то принося их погреба, чтобы накормить его.

Теперь все взвалилось на ее плечи. Она одна обрабатывала небольшой придомовой надел, смотрела за скотиной, ходила на сенокос и в поле, где в отсутствие мужа часть земли теперь, по договоренности, обрабатывали его родственники.

В это время «он», видя и понимая, что хозяйка дома одна пытается справляться с тем, что когда-то делалось вдвоем с супругом, стал еще тщательнее смотреть за ее детьми и приглядывать за всем, что происходило в доме. А она, как будто не понимая того, что кто-то очень внимательный и заботливый старательно помогает ей, спокойно могла покинуть свое жилище на несколько часов, оставив маленьких детей одних. И по возвращению своему назад, она всегда заставала своих сыновей не заплаканными и не напуганными, будто кто-то добрый и веселый смотрел за ними, не давая случиться никакой беде.

Особенно это было важно летом, когда полным ходом шла работа в поле, от результата которой зависела жизнь семьи на целый год вперед, когда решается от результатов труда, будет ли сытыми домашние или им придется голодать. Детей оставляли под присмотром старших или на пригляд немощным старикам, кому в поле быть уже было не под силу. В «его»

доме, как в домах многих других селян не было ни тех, ни этих. А потому детей просто оставляли одних, на волю Господа.

На удивление многих соседей, маленькие Василий и Сергей встречали мать бодрыми, не зареванными, радуя ее своим внешним видом и состоянием. В тоже время в соседских домах, где смотреть за малышами было некому из-за отсутствия старших детей, помогавшим в поле родителям или уже почившим старикам, творился едва ли не хаос. Малыши могли проплакать долгое время не получая родительского внимания, ходили под себя, чем привлекали целые тучи мух, облеплявших их. Потом они засыпали от усталости, вымотанные собственным плачем, покрытые своими фекалиями и толстым слоем жужжащих насекомых. Прибегавшие на время в поля матери быстро отмывали своих чад, наскоро кормили и поили их, переодевали в сухое и снова убегали назад, чтобы в конце дня проделать все то же самое.

Между тем завистливые соседки замечали, что как будто кто-то помогал женщине, когда ее супруг был в это время на войне. Но никто из них, конечно же, не знал, да и не поверил бы, чей на самом деле был вклад в размеренную жизнь временно осиротевшего семейства.

На зависть многим и на радость хозяйки дома и ее детей, через два с половиной года их муж и отец возвратился домой. «Он», так и не поняв, что такое «война», из-за чего глава семейства столько времени отсутствовал дома, а теперь возвратился, очень пристально наблюдал за ним. Тот вошел в избу таким, что его было трудно узнать. Сильно исхудавший и загоревший до черноты, немного сгорбленный, слипшиеся волосы с проседью, одет в казенное с тощим вещмешком за плечами. Его супруга закричала от радости, сложив трясущиеся руки к лицу, бросилась обнимать и целовать мужа, а дети их в это время заплакали, не узнав отца, от которого совершенно отвыкли.

– Не висни ко мне, Анна, не висни! Вшивый я! С фронта же, с дороги, – повторял глава семейства, оглядывая внутреннее пространство своего жилища, детей и жену, пытаясь взглядом насытиться первыми минутами пребывания в родном месте. – Лучше давай-ка баню ставь, а я пока всю одежу в печь засуну, чтоб холеры никакой не оставить.

Не шли никак на ум «ему», что за странные слова говорил вернувшийся домой хозяин. Что за «фронт» такой. И не связано ли это как-то с той «войной», где он так долго был. Ответы на эти вопросы не заставили себя долго ждать. Приходивший в себя с дороги глава семьи подолгу нянчился с детьми, по которым успел в немалой степени соскучиться. Одновременно он принимал в гости своих родственников, не попавших, в силу разных причин, на фронт, а потому желавших узнать от него о том, что творится где-то далеко от их деревни, во всей стране, которую тот повидал, и особенно на том самом фронте.

– Ты, Андрей Осипович, не томи нас. Рассказывай, что там делается, что люди говорят, что Царь? Одолеем ли германца? Сколько еще война продлится? – спрашивали его односельчане порою за столом, накрытым по случаю приема гостей и по поводу счастливого возвращения живым с войны хозяина дома.

Но тот все больше отделывался описанием комичных ситуаций из своей фронтовой жизни, мастерски приписывая то, чего вовсе не могло быть, а простые по натуре деревенские мужики впитывали это и от души смеялись. Рассказывал он также всякие небылицы и веселые случаи, что происходили с ними во время пребывания вдали от родного дома, стараясь подзадорить просителей новостей, чем иногда злил некоторых из них, наиболее настойчиво требовавших оповещения фактов о политической жизни в стране и ситуации на том самом фронте.

– Что ты нам тут всякую чушь льешь, Андрей Осипович. Одни только байки травишь. Тебя же люди просят по делу говорить. Про состояние армии, про генералов наших, про их дела, про войну. – Злился иногда кто-нибудь из наиболее пытливых деревенских жителей, понимавших, что прибывший издалека селянин никак не хочет отвечать на все вопросы и увиливает от них, постоянно переводя разговор на другие темы, на юмор, что у него вполне ловко получалось.

Не получив своего, гости расходились и, отойдя на приличное расстояние, чтобы не быть услышанными, начинали браниться, ругая приветливого, радушного, но не словоохотливого хозяина.

Оставшись один на один со своей семьей, немного захмелевший от самогона хозяин дома, выпивавший очень не много, будто сознательно оберегавший себя от пьянства, а потому прекращавший выпивать после второго тоста, начинал превращаться в сжавшуюся пружину стального механизма. Он багровел лицом, скрючивался всем телом сидя за столом, сводил брови к переносице, от чего казался очень злым. Начинал смотреть в одну точку, да еще тем взглядом, будто вглядываются во что-то ненавистное себе. Его руки в это время тряслись, глаза наливались кровью, зубы скрипели, а нутро его начинало выдавать жуткого звука хрипы.

– Про Царя они хотят слышать, – выдавливал он из себя низким голосом, – про обстановку на фронте?

– Успокойся, Андрей, – нежным голосом шептала ему супруга, оглядываясь на детей, который начинали плакать в те моменты, когда видели отца таким.

– Какая там обстановка? Какой там царь? – тихо начинал выдавливать из себя глава семейства, постепенно начиная говорить все громче и громче. – Там вши тебя роем поедают заживо! Там без бани месяцами живешь и гниешь как покойник! Там товарищи твои мрут в каждой атаке, а ты их порой не можешь вытащить, чтоб похоронить по-людски, потому что с той стороны германский пулемет не дает головы из траншеи поднять!

– Детей пугаешь, Андрюша, – начинала тихо рыдать хозяйка дома, прижимая к себе плачущих сыновей.

– Что они понимают? – Чуть сбавлял тон в голосе глава семейства и немного расслаблялся, от чего брови на лице его снова поднимались ко лбу, образуя множество морщин, которых до войны у него не было.

В избе становилось немного тихо, но ненадолго, потому как снова начинало возвращаться к нему прежнее, злое до крайности выражение лица. Он резко и сильно бил кулаком по столу, от чего все, что было на нем, подскакивало и со звоном падало назад. После этого дети его начинали реветь еще громче, а их мать прижимала их к груди, стараясь сделать так, чтобы они не видели и не слышали буйства их отца.

– Жратву, бывало, по целым дням подвезти не могли. Все германец простреливал. Вода протухала, а свежей негде взять. Раненые тут же мерли. И похоронить нельзя! – Продолжал глава семейства, постепенно перемещая взгляд из одной точки, куда смотрел все время, на пол, медленно опуская глаза.

Наконец его супруга не выдерживала, вставала и наливала ему полный стакан самогона, чтобы он смог выпить и, наконец, спокойно заснуть, потому, как его организм не обладал сильной сопротивляемостью алкоголю. Женщина об этом знала и старалась все завершить именно так, пытаясь поскорее уложить мужа спать. Но тот, увидев перед собой предложенное, переводил на нее взгляд, менялся в лице и уже спокойным, ровным голосом говорил ей:

– Нельзя мне, нельзя. А то в тряпку начну превращаться. Какой тогда из меня работник? По миру, ведь, пойдете.

Пьянства хозяин дома не боялся. Но опасался лишней выпитой рюмки, потому как видел себя со стороны. Видел, как меняется он даже от малой дозы самогона, как ведет себя, как пугает жену и детей. Понимал, что началось с ним все это после фронта, с момента его возвращения домой.

Только теперь «он» понял для себя, что означает загадочное для него до этого момента слово «война». Только теперь оно открывало перед ним картину скопления большого количества мужчин, однообразно одетых в то, что им выдают, и называется это «казенным». Эти мужчины редко моются в бане, потому что не имеют такой возможности. Как правило, они мало кушают из-за того, что им не привозят вовремя пищу. А еще ее кто-то расхищает задолго

до того, как она попадает к ним, и называются эти люди интендантами. А еще эти мужчины часто умирают в нечеловеческих условиях и, порою, их абсолютно некому хоронить. Товарищи их оплакивают и следом мысленно готовят себя к смерти, к чему привыкают и живут с этими думами в голове. И виной тому некие злобные и кровожадные германцы, прикладывающие все свои усилия и старания, чтобы как можно больше мужчин в казенном отправить на тот свет. А некий загадочный Царь и какие-то властные генералы не хотят ничего менять, от чего та самая война и тот самый фронт становятся еще более смертельными и уносят еще больше жизней. Такой «он» стал представлять себе то, откуда недавно вернулся хозяин «его» дома.

К «его» радости и радости всех домашних, Андрей Осипович начал приходить в себя после возвращения. Лицо и глаза его посветлели, он стал немного распрямляться и отъедаться, хотя сам отмечал, что до его ухода на фронт в доме было еды больше, чем сейчас. Но сам он считал это поправимым, работы никакой не боялся, подбадривал остальных и вселял в супругу уверенность в завтрашнем дне, от чего сама она с каждым днем выглядела все более цветущей. К ней вернулись улыбка и радость на лице. Снова она начал порхать возле печи каждый вечер, ожидая мужа с работы. И, по мнению ее вот-вот должна была наладиться их прежняя жизнь, будто бы и не уезжал никуда глава семьи. Но едва наступала ночь, и он засыпал на перине, как будто бы кто-то вселялся в него. Казавшийся мирно спящим хозяин дома то что-то бубнил в подушку, крепко цепляясь в нее пальцами. То подскакивал на кровати и долго смотрел куда-то в темноту, не моргая. То громко кричал и бился об стену, обливаясь потом, произнося непонятные никому слова из той, фронтовой жизни, смешанные с отборной бранью.

В это время жена его пыталась какое-то время сдерживать порывы супруга, хватала его за руки, обливала его из кружки холодной водой, что на какое-то время спасало, и он успокаивался. Боясь за себя и за детей, несчастная женщина перебегала на кровать к своим крепко спящим сыновьям, обнимала их и пела им колыбельную, не давая тем самым заснуть себе и, одновременно, не давая проснуться им от порою громких беснований еще не навоевавшегося их отца. После того, как он снова начинал бредить во сне, посылая проклятия в адрес кого-то неведомого ей, она вставала на колени перед образами и подолгу молилась, произнося наизусть молитвы.

В это время «он», видя душевный недуг хозяина дома, тоже, подобно матери семейства, вставал на свои мохнатые коленки у нее за спиной, поднимал свои темные маленькие глазки к образам и повторял за ней тексты из Святого Писания, отвешивая, следом за ней, поклоны. А под утро, когда вся семье еще крепко спала, измучившись во время ночных выходок хозяина дома, «он» пробирался к его изголовью и подолгу бубнил свои заклинания, чтобы исцелить человека, от жизни и здоровья которого зависело и его собственное благополучие и душевное равновесие.

Постепенно все успокоилось. Андрей Осипович и его жена ждали окончания зимы и прихода весны, готовились к посевной, решали насущные вопросы, молились о благополучии. Чтобы как-то прокормить семью до сбора нового урожая, глава семейства стал искать способы подработки на зиму, пытался устроиться батраком на ближайшую мельницу, потом на лесопилку, затем к лавочнику, что на какое-то время у него получилось. Но происходившие вокруг события вносили явную нестабильность в жизни.

Простые деревенские жители не понимали их. Возвращавшиеся из уездного городка мужики, возившие туда что-нибудь на продажу, рассказывали о том, что больше нет полиции – ее разогнали, нет офицеров – они разбежались, нет власти – над городской думой поднят флаг красного цвета, а охраняют ее солдаты без погон и знаков различия. Одновременно с этим в округе запылали одна за другой помещичьи усадьбы, а местные мужики на подводах потянулись к пепелищам, чтобы раздобыть для себя что-нибудь ценное, дорогое или применимое в хозяйстве.

Находившийся на заработках в батраках Андрей Осипович не успел поучаствовать в набегах односельчан на разоренные барские усадьбы, не участвовал он в их погромах, не нападал на беззащитных обитателей когда-то богатых домов. С осуждением он отнесся к выходкам селян, критикуя их за это и ругая за проявляемую в работе лень, а в грабеже – проворство.

– На своем земельном наделе в полсилы пашут. Чуть солнце скрылось – домой собираются. А как жрать им нечего, так побираться ходят по домам тех, у кого рубаха на спине от пота не просыхает! – Твердил он, вернувшись из города, где некоторое время жил и работал у торговца-лавочника, пока склад и дом того не были разорены в результате безнаказанного набега жаждущих легкой наживы людей.

В ответ на его слова хозяйка дома начинала вспоминать, как в его отсутствие из-за службы в армии, к ним в деревню иногда захаживали посторонние люди, пытавшиеся вести разговоры, что называется «по душам» с крестьянами по поводу их тяжелой жизни. Но если последние, в результате беседы рассчитывали, по простоте своей, что грамотно ведущий разговор заезжий городской житель, поможет им материально, чем решит все их проблемы, то первый явно пытался склонить собеседников к открытому выступлению против законной власти. Не добившись друг от друга ничего, на что они, поговорив, и расходились. Но если в качестве агитатора появлялся человек решительный, активный, импульсивный, а напротив него возникал дальновидный крестьянин и трудолюбивый хозяин, в доме которого все ладилось и были все сыты, то пришлому человеку могло и достаться. Его выгоняли и предупреждали о негативных для него последствиях в случае его дальнейшего появления в деревне.

Нередко потом к селянам приезжали из уездного города жандармы, обходившие дома и опрашивавшие всех поголовно о недавних гостях и о разговорах с ними. В дом защищавшего отечество солдата они наведаться не смели, а потому отдавали знаки почтения на расстоянии и наказывали соседям довести до хозяйки дома нужную информацию.

Поначалу Андрей Осипович спокойно слушал рассказ жены, одновременно забавляясь и играя с сыновьями, а потом отдавал их ей, садился за стол, поджимал кулаки к груди и шипел сквозь зубы, будто ругал кого-то далекого и недосягаемого:

– Довели отечество, довели армию! Кругом развал! Солдаты с передовой бегут, воевать не хотят, господ офицеров не слушают!

Несколько раз проговорив что-нибудь подобное, он начинал нервно тереть бок, в котором по его словам сидел австрийский осколок. Потом тянул спину и касался рукой того ее места, где у него был широкий и глубокий рубец от раны, полученной на фронте. Так обычно продолжал он сидеть до позднего вечера, пока за окном не становилось видно абсолютно ничего, а он будто бы что-то видел или же просто останавливал взгляд на пустоте и думал о чем-то своем. Супруга его в это время не беспокоила, не напоминала ему о скудеющих запасах еды, о пустеющей шкатулке, где хранили они семейные денежные накопления, что редели день ото дня из-за непрерывно растущих цен.

Батрачить скоро стало не у кого. Ни один хозяин крепкого и большого крестьянского хозяйства не нанимал к себе работников. Мануфактуры и мастерские в ближайшем городе стояли, почти не работали магазины и лавки. Мужики, находившиеся на заработках, возвращались по домам.

В это время «он», слушая разговоры хозяев дома, начинал в немалой степени беспокоиться о них и о детях, удивляясь наступающим переменам и трудностям, опасаясь вероятного голода, о котором так часто стал слышать. От себя «он» с еще большим рвением стал смотреть за каждой курицей и овцой в хлеву, приглядывал за каждым снесенным яичком, не давал покоя своей и соседским кошкам, заставляя их трудиться над поимкой и уничтожением буквально каждой мыши. А сам по полночи надзирал за окрестностями, заботясь о том, чтобы лиса или

куница не наведалась в хозяйский хлев из леса, чтобы полакомиться на дармовщинку учтенной им домашней птицей.

В это время и пригодилась «его» семье та самая особенность и та самая способность хозяйки дома, которой она обладала, в том числе и благодаря «его» стараниям. Слух о целительной силе слова деревенской жительницы Анны быстро разлетелся по окрестностям. Со временем к ней стало обращаться все больше и больше людей с просьбами об исцелении захворавшей коровы или козы, которые то переставали давать молоко, то стонали не по-обычному целыми ночами, худели на глазах и вот-вот должны были сгинуть на то свет, оставив хозяев без прибыли обладания такой скотиной.

Анна, как и было ее наказано когда-то престарелой монахиней, не отказывала никому для сохранения собственного целительского дара, а потому отправлялась с просителями в направлении их хутора или деревни, чтобы излечить от недуга их овцу, корову или козу. Взамен ничего не требуя, в качестве оплаты она получала то кувшин молока, то несколько свежих куриных яиц, то кулек муки, то несколько картофелин, то крынку масла, от чего не отказывалась и несла к себе домой, чтобы прокормить едва, что не голодающих мужа и сыновей.

Андрей Осипович и сам старался не сидеть без дела. То нанялся к кузнецу в помощники, так как у того практически всегда были заказы и, соответственно, работа. А по мере возвращения в строй приболевшего постоянного его помощника, он вновь устроился к лавочнику. Когда же того снова подвергла разорению через грабеж очередная шайка разбойников, безнаказанно творившая свои преступления, ему повезло наняться рабочим в железнодорожные мастерские. Но и там особого проку не было. Работникам почти не платили, поэтому Андрей Осипович очень скоро вернулся домой. Тогда это оказалось очень кстати, так как надо было начинать готовиться к посевным работам, да и других дел накопилось, что тоже требовали вмешательства мастеровитых хозяйских рук.

Едва закрутились обычные крестьянские дела в поле, как разразившаяся по всей стране Гражданская война чуть не поглотила своими кровавыми жерновами трудолюбивого хозяина дома. Менявшаяся власть, переходившая из рук в руки, требовала новых солдат под свои знамена. Воинственные представители то одной, то другой стороны наведывали в деревни для призыва мужиков под ружье, особенно предпочитая тех, кто как Андрей Осипович уже имел солидный боевой опыт и вполне мог им пригодиться. Однако одним он смог ловко отказать, сославшись на сидевший в теле австрийский осколок и перенесенную тяжелую контузию, о чем у него имелись соответствующие бумаги. А от других просто спрятался, наблюдая из ближайшего леса за перемещением конных вербовщиков.

– Заберут насильно – пойду, деваться некуда! А сам, чтоб добровольно – нет! – сказал он тогда жене, чтобы дать ей понять о своем мнении по поводу отношения к воюющим сторонам.

А «он» опять не взять в толк, куда это и кто это должны забрать хозяина дома, такого хорошего, по «его» мнению, человека? Да и надолго ли? Опять, что ли на войну? Ведь он был уже там. А значит, как думал он, теперь не его, а других обязаны взять, кто на войне еще не был.

Отгремел пожар Гражданской войны, забрав жизни мужиков из нескольких деревенских семей. Почти каждый день об этом говорили в «его» доме между собой супруги или с кем-либо из пришедших к ним гостей. Обсуждали трудности, решали, чем помочь той или иной обездоленной семье.

Но, не смотря ни на что, у «него» самого было по-прежнему достаточно дел и обязанностей по присмотру за домом, хозяйством, припасами, скотиной и, конечно же, детьми. Надзор за ними был едва ли не самым любимым «его» занятием. К тому же семья скоро пополнилась сначала одним сыночком – Николаем, а потом и следующим – Алексеем. По мере взросления тех, что родились до призыва хозяина дома в армию, и теперь начинавших претендовать на помощь отцу в поле, их сменили новорожденные, продлившие обязанности негласной и никому не видимой няньки в «его» лице. А сам «он» был от этого только счастлив, от чего

почти не отводил глаз от малышей, постоянно храня их от неурядиц и несчастий, напрасного плача и помех родителям, что они могли натворить лишь только потому, что были еще совсем несмышлеными.

Самих же хозяев дома все чаще и чаще стал беспокоить вопрос рождения в семье только лишь сыновей. Матери семейства, как женщине все больше хотелось иметь дочерей. Да и Андрей Осипович, видя, как радуют девочки своих отцов в соседских домах, тоже стал поддерживать супругу, о чем они часто стали молиться, чем вводили в непонимание хранителя своего дома. Видя их желание взрастить дочерей после рождения четверых сыновей, «он» по сущности своей не понимал желания отца и матери, с одной стороны справедливо считая, что их главное счастье в здоровых детях, а не в их половой принадлежности. С другой стороны, «он» хвалил сам себя, за приложенные усилия по присмотру за подрастающим поколением, за отсутствие бед, несчастий и болезней у них.

Однако и это не оставалось не замеченным в доме. Сами родители и их завистники на стороне отмечали, что семье несказанно повезло в столь тяжелое время не похоронить ни одного ребенка, что довольно часто случалось в других семьях.

А вскоре и сам Господь услышал настойчивые молитвы трудолюбивой крестьянской четы. И уже скоро, одна за другой, за совсем непродолжительный промежуток времени, радостными криками озарили о своем появлении на белый свет три девочки подряд. Забот у «него» прибавилось, как прибавилось счастья и детского смеха в доме. «Его» ночные обходы спящих домочадцев стали более продолжительными, заклинания беззвучно произносились над каждым, а сам он взял себе в привычку не только оберегать «свою» семью, но еще и тщательно отпугивал тех гостей, особенно непрошенных, что могли открыто позавидовать, сказав что-либо сознательно или не по разумению своему в адрес хранимой «им» семьи.

Таких «он» мог отпугнуть еще на подходе к дому, по-своему чувствуя приближение не добрых людей. То засылал наперерез своих любимых облезлых кошек, которые каким-то непонятным образом появлялись в деревне, от чего не желательные гости за все время своего пребывания в «его» доме чувствовали себя неуютно. То подкладывал в нужное место камень или корягу возле дороги так, что его не было видно, а по мере прохода в этом месте, человек обязательно спотыкался об него и падал, порою достаточно не удачно, чтобы отменить свой визит в «его» дом. То незаметно отвязывал почти что самого добродушного в округе хозяйского пса, заранее настроив того на неожиданный бросок с громким лаем и зловещим оскалом на морде в сторону непрошеных гостей. То опрокидывал на столе какое-нибудь блюдо на колени обладателя злого языка, чем приводил того в крайнюю степень раздражения, окончательно выведя того из себя новой пакостью в духе выдергивания лавки из-под пухлого зада, от чего озлобленный гость падал на пол, вызывая целую бурю задорного смеха у всех присутствующих.

От всех этих действий наиболее наблюдательные селяне стали почитать семью Андрея Осиповича как особо хранимую Господом, по-доброму завидуя светлой атмосфере в отношениях между супругами и их детьми. А «он» продолжал внимательно надзирать по- своему над «своими» людьми и над всем, что им принадлежит, своим зорким глазом отслеживая все подходы к «своему» дому и его окрестностям.

Через некоторое время, когда, казалось бы, все наладилось, появилась стабильность и достаток в трудолюбивой крестьянской семье, отгремели войны и никто больше не наведывался к «его» семье с целью забрать у них на время или навсегда их отца, пришла новая беда, которой не в силах были противостоять простые люди. Прозвучало загадочное слово «продразверстка», подчеркнутая еще одним термином «кулак», и вся деревня содрогнулась от появления на ее территории людей с оружием, каких давно уже не видели и не подозревали, что такие могут снова появиться у них.

Смекалистый хозяин, предвидевший подобное, наслышанный от соседей, что в период его отсутствия дома часть урожая уже изымалась властями на нужды государства во время его монополии на хлеб, заранее предусмотрел изготовление целого ряда тайников. «Он» же и в толк никак не мог взять, для чего все это делается и кто такие те самые продотрядовцы, полномочиями которых являются полный отъем съестных запасов у крестьян. Но если глава семейства начал ночами копать тайник в саду или за сараем, то «он» стал помогать ему, приглядывая со стороны, чтобы кто-либо не увидел, не помешал или не позарился на припрятанное имущество. «Он» включил в маршрут ежедневного и еженочного обхода территории те места, где было закопано зерно в мешках, бутыли с маслом, туша забитой овцы и другое, что было необходимым для выживания «его» семьи.

– Ты, Андрей Осипович, зря не хочешь с нами пойти, – говорил хозяину дома один из сурового вида гостей, нагрянувший на порог его дома поздним вечером. – Мужики, у кого оружие есть, откопали его, обрезы наделали для скрытности и решили встретить продотряд на дороге в лесу.

Тот искоса посмотрел на гостя спокойным взглядом, вытирая при этом натруженные руки тряпицей, делая это для собственного успокоения, чтобы не взорваться на излишне давящего на него человека, что могло вполне с ним случиться после возвращения с фронта.

– Мы такого терпеть не собираемся! – Продолжал гость. – У нас последнее забрать хотят, нас и детей наших на голодную смерть обрекают.

Он невольно замолчал, видя показное спокойствие хозяина дома. Потом, чуть сбавив тон, снова начал говорить, теперь уже, более заискивающе, со знанием непростого и вспыльчивого характера еще совсем недавно бывшего солдата Андрея Осиповича. Он надавливал, меняя интонацию, чтобы заинтересовать последнего, зная о военном опыте у того, который так был необходим в предлагаемом выступлении вооруженных крестьян против власти.

– Таких, как ты, у нас мало. Мало тех, кто воевал. А нам, в нашем деле, такие ох как нужны. – Не умолкал гость. – Подумай Андрей Осипович, что будет, если дети твои голодать начнут, когда все закрома в твоем доме подчищены будут.

Но хозяин дома уже разгадал замысел говоруна, всеми силами пытавшегося завлечь его на сторону доведенных до отчаяния людей. Не дожидаясь окончания речевого потока на него, он спокойным, в меру громким голосом, неожиданно перебил того на полуслове, заставив моментально замолчать, осадив своей встречной манерой.

– Вы не готовы! – начал он, даже не глядя в глаза гостю, все также медленно вытирая ладони о тряпку, что была у него в руках. – Силы слишком не равны.

– Да как же так? – непонимающе и с неловкой улыбкой на лице, довольно робко ответил ему собеседник. – У нас оружие есть и нас много. Мы решительны.

Пришедший стал растерянно бегать глазами по комнате, пытаясь сфокусироваться на чем-либо и, одновременно, не в силах остановить взгляда на хозяине дома, в одну секунду взявшем верх в разговоре, или на его жене, взволнованно смотревшей на почти разгоряченных мужчин.

– Мы все продумали! Мы знаем, где напасть и как будем действовать! – попытался предъявить свои доводы гость.

Гость начал часто и тяжело дышать, наконец сумев остановить взгляд на лице Андрея Осиповича, решив для себя, что все равно дожмет того и заставить пойти с ним.

– Одни по продотрядовцам пулять начнут, – продолжил он, тщательно расставляя слова, – другие – обозы подхватят, да в лес их погонят. А там мы все спрячем, чтоб до поры, до времени отлежалось, пока все успокоится. А там нам и назад все вернем.

Довольный собой гость заулыбался, заерзав на стуле, будто счел свои слова настолько убедительными, что хозяину дома уже ничего не оставалось делать, кроме как согласиться и начать собираться в путь.

– Ничего у вас не выйдет! – неожиданно для гостя, парировал его Андрей Осипович. – И дело не сделаете, и себя погубите, и дети ваши голодными будут.

Наконец он поднял глаза на собеседника и положил надоевшую его рукам тряпку на стол.

– Вас народу и так мало, а вооруженных вообще всего ничего, – в меру громко и доходчиво начал он объяснять гостю.

– Душ семьдесят, не меньше! – попытался оказать тихое сопротивление сидящий напротив.

– А продотрядовцы – люди почти все военные и оружие будет при каждом, – как набат звучала давящая речь хозяина дома. – Вам ответят плотным огнем, и нападение ваше будет в раз однозначно отбито. Кто уцелеет, тот обрез свой от страха бросит и в лес убежит. Кто ранен будет, тот к ним в руки попадет и перед смертью они из него все вытряхнут. Потом приедут настоящие вояки, и деревни наши перевернут вверх тормашками и найдут зачинщиков. Семьи в заложники возьмут, и вы все сами сдадитесь.

– Мы не сдадимся, – протянул гость, сузив страшные глаза, – мы до конца сражаться будем, мы лучше сгинем все, но своего не отдадим!

Он направил суровый взгляд на хозяина дома, в одну секунду перестав реагировать на его прямые доводы, став решительным и злым.

– Воевать вам нечем, в руках одни обрезы да старые охотничьи дробовики, – спокойным голосом и в прежнем тоне продолжил Андрей Осипович. – А у продотрядовцев уже с собой не меньше одного пулемета будет, а то и два. И с патронами у них все в порядке, и с подмогой. Сегодня вас не перебьют, завтра – перестреляют. Там люди военные.

– Мы не сдадимся! – медленно, багровея от злобы до самых ушей, хрипел собеседник хозяина дома.

– Ты просто никогда не видел, как орет баба, у которой дите на штык натыкают, – сказал и замолчал, отвернувшись в сторону бывший солдат, явно больше не собираясь доказывать что-то гостю.

«Он» смотрел на говоривших мужчин из своего укрытия, находившегося на теневой стороне печной трубы, уходившей через доски потолка на чердак. «Он» почти не понимал происходившего, уловив только то, что его любимого хозяина дома хотят куда-то силой увести и заставить делать что-то очень и очень страшное, от чего кого-либо из его детей будут потом убивать на глазах милой и доброй хозяйки дома, нанизывая на какой-то штык. Пугаясь услышанного, сторонясь возможных будущих событий, где нависла чем-то страшным угроза убийства воспитанных и сбереженных им хозяйских детей, «он» выскочил своим путем из дому, стараясь спрятаться от проблем и обдумать происходящее. Не находя себе места от волнения, «он» остановился недалеко от порога дома, когда увидел сурового вида деревенских мужиков, куривших за ближайшим забором. Те молча стояли возле запряженных телег, пускали махорочный дым, глядя себе под ноги и будто ждали кого-то, периодически поднимая напряженные взгляды в сторону «его» дома.

Сомнений у «него» не оставалось. Суровые мужики ожидали либо того, кто был в гостях, либо его вместе с самим Андреем Осиповичем, которого тот должен был привести его для участия в тех страшных мероприятиях, что громко и живо обсуждались только что. Желание предотвратить непоправимое и спасти жизни родным «ему» детям, «он», в своей манере, молниеносно принял единственно правильное решение для защиты хранимых «им» людей. По другому «он» не мог. «Он» был создан для оберега и честно выполнял свою функцию.

Объектом «его» внимания стало старое, покосившееся над дорогой полусгнившее дерево, которое вот-вот должно было быть спилено и порублено на дрова трудолюбивым хозяином «его» дома. Оно стояло прямо на обочине и склонялось своим оголенным нутром так, что казалось, будто вот-вот рухнет перед путником, издав зловещий треск лопающихся сухих волокон и крошащихся от удара о землю ломких веток. Однако, ожидавшие возле него люди,

пускавшие в воздух клубы махорочного дыма, как будто не подозревали этого. Они продолжали курить, иногда нервно поглядывая за угол старого забора, откуда должны были увидеть посланного на переговоры с непокорным Андреем Осиповичем своего товарища.

Наконец тот появился у них на виду, о чем они услышали из-за громкого хлопка входной двери, а потом увидели и его самого, широко ставившего при ходьбе ноги и размахивающего руками так, будто был излишне чем-то раздражен. При его появлении злобно, как на чужака, залаял хозяйский пес. Мужики оживились, явно не ожидая обо всем сказавшего им вида своего товарища. Со стороны все стало ясно. Результат разговора читался в движениях негодующего человека. Кто-то досадно сплюнул, кто-то смял шершавой рукой в раз потухшую козью ножку, кто-то выругался. Но никто не ожидал резкого и громкого звука у себя за спиной, когда старое, давно засохшее и полусгнившее дерево, с треском рухнуло возле них, едва не обдав крайних из стоявших мужиков своими ветками.

Едва подломившийся ствол коснулся земли, а воздух окропился множеством мелких сухих частиц и осколков коры, как из под него с громком криком выскочил облезлый бродячий кот. Сделав несколько стремительных прыжков, животное нырнуло под одну из телег, а потом скрылось в густых зарослях травы ближайшего поля. Все произошло столь быстро, пугающе и до того неожиданно, что некоторые их крестьян машинально отскочили в сторону. Многие дружно выругались, кое-кто начал креститься, а кто-то просто сплюнул, громко, во всеуслышание произнеся:

– Нечистая!

– Да тут всегда так было! – перебил всех взволнованный мужской голос, зазвучавший громче всех, как только закончилась череда молниеносно произошедших событий. – Словно заговоренное тут все! И баба скотину словами лечит! И хвори тут не берут никого! И будто бы охраняет их кто! Прямо слова поперек тут не скажи – то дерево на тебя чуть не свалится, то черт кошачий с ног не собьет!

– Пошли отсюда, – тихо сказал всем тот, который только что вышел из дома, где не получил ничего желаемого и не привлек на свою сторону главу семьи, на что очень рассчитывал. – Не пойдет он с нами.

– И что сказал? Почему не пойдет? – спросил его один из мужиков, только что едва не угодивший под крону упавшего старого дерева.

– Много чего сказал. Умный уж больно! – немного подождав, вытянул из себя озлобившийся посетитель дома Андрея Осиповича.

Оглянувшись в сторону места, которое он только что покинул, мужчина опустил глаза в землю, плотно сжал губы и сильно нахмурившись, произнес, адресуя слова самому себе и тем, кто волею судьбы находился возле него и мог его слышать:

– Боюсь, что он во всем прав!

Собравшиеся, поддавшись услышанным словам особо впечатлительных и суеверных товарищей, спешно покинули место своего сбора. Они так и не получили желаемого результата, и не стали прислушиваться к последним словам своего предводителя, делегированного на переговоры с важным и знающим, по их общему мнению, специалистом в военном деле.

– Дураки! Куда лезут?! Перебьют их всех, разгонят! Как пить дать, разгонят! А потом и нам за них достанется! Всем достанется, всех коснется! – негодовал, стоя возле окна взволнованный глава семейства, переживая за намерения отчаявшихся и потому вооружившихся крестьян его и соседних деревень. – С властью драться хотят! Где это видано, чтобы бунтовщики верх брали? Никогда такого не было! Всегда кровью бунты оплачивались!

– Вроде бы деньги обещали за собранное у крестьян, – тихо попыталась внести ясность хозяйка дома, выглядывая в окно из-за спины мужа, чтобы то же увидеть, как удаляются те, кто еще несколько минут назад ждал решения ее мужа.

– Гроши обещали, а не деньги, Анна! – обрезал ее Андрей Осипович. – Гроши! А на них сейчас ничего не купишь. Все равно, что даром все отдать.

По-деревенски, по-бабьи, его жена прикрыла рот ладонью и слегка наклонила вперед голову, собираясь вот-вот залиться слезами от беспомощности и незащищенности.

Слова авторитетного в военном деле для сельских мужиков односельчанина врезались в душу многим крестьянам. Часть из тех, кто собирался участвовать в нападении на продотрядовцев, отказалась от прежних намерений и разошлась по домам. Те, кто все же принял решение о шаге на дерзкую вылазку, стали ждать прихода своих обидчиков, чтобы потом выследить их на дороге в лесу и атаковать с целью возврата изъятых продуктов и демонстрации собственной решимости и силы.

Поняв, что приход представителей власти в его дом и дома односельчан будет неизбежным и однозначно придется отдать часть съестных припасов, Андрей Осипович, как и другие жители его деревни, начал продумывать варианты сокрытия продуктов. Часть зерна он спрятал в подполе, сделав там ложный пол. Другую часть закопал в саду, в том его районе, где стволы деревьев образовывали столь плотный заслон, что с любой стороны не было видно происходящего внутри. Там же в земле была скрыта туша специально убитой им овцы, дабы иметь некоторый запас мяса для семьи на случай отъема продотрядовцами домашнего скота.

Негласно и, конечно, не видимо «он» помогал хозяину своего дома, приглядывая за подходами к крестьянскому хозяйству и намереваясь, в случае чего, дать тому знак о приближении непрошеных гостей или нежеланных визитеров. С его легкой руки вездесущие вороны покинули ветви садовых деревьев, чтобы не приметить для себя места схрона зерна. Пришедшие на запах свежего мяса голодные соседские коты также получили злостные шлепки по своим мохнатым ушам, в знак указания им на нежелательное присутствие в данное время в данном месте. Оказавшийся среди них наиболее любознательный кот, никак не желавший сдаваться перед «его» силой, сделал отчаянную попытку выследить то укромное место в саду, где хозяин дома зароет в землю овечью тушу. Но едва облезлый представитель семейства кошачьих приблизился на расстояние, с которого мог увидеть работу крестьянина, как последовала моментальная кара. Маленькая мохнатая лапка или ручка со страшной силой сдавила ему промежность так, что несчастное животное издало самый мучительный визг в своей жизни и на некоторое время не то что полностью ретировалось из чужого яблоневого сада, но и вовсе забыло о том, где было и что там делало.

Дождавшись, когда семейство Андрея Осиповича на некоторое время покинет свой дом, «он» нагрянул в подпол, где проинспектировал выполнение работы по созданию двойного пола, под которым было предусмотрено скрытое хранилище. Проделанным «он» остался не особо доволен, посчитав, что свежий настил из тщательно обработанных досок слишком бросается в глаза своей новизной, а потому будет быстро обнаружен, особенно в том случае, если за дело примется опытный поисковик с хорошим освещением в руках.

Решение было принято незамедлительно. Натаскав со двора некоторое количество песка и сырой земли, «он» принялся старить новые доски, забивая щели между ними комьями грунта, размазывая и втискивая их в промежности. Песок же втирался им в поверхность, придавая дереву вид уже давно используемого в хозяйстве. Закончил «он» свои дела как раз к возвращению семейства домой. И с чувством старательно выполненного долга, переместился в сад, где с присущим себе усердием стал удалять следы земляных работ, растаскивая по всей территории крестьянского хозяйства крупинки выброшенной на траву свежей земли и глины. Он настолько увлеченно и качественно выполнил свою работу, что даже наведавшийся в сад Андрей Осипович, не сразу смог найти то место, где временно придал земле часть припасенного зерна и овечью тушу.

Визит продотрядовцев не заставил себя долго ждать. Ржание и тяжелое дыхание долго скачущих лошадей разбудило «его» еще до приближения нежелательных визитеров к дому.

Почти что полностью одинаково одетые люди, отличавшиеся друг от друга только лишь количеством ремней, которыми они были опоясаны, да головными уборами, где можно было увидеть черные кожаные или зеленые матерчатые фуражки, а так же папахи, оккупировали двор и хозяйственные постройки. Чужие голоса да истошный лай собаки стал доноситься сквозь бревенчатые стены избы, поднимая с постели хозяев и пугая проснувшихся детей.

– Пожаловали, бестии! – в полголоса выругался Андрей Осипович, натягивая штаны на кальсоны.

– Смотри-ка, хозяйство, по всему, крепкое. Сделано все ладно. А топор только один! – донесся через бревенчатые стены избы вывод одного из непрошеных гостей.

– Да, гвоздей повсюду порядочно вбито для того, чтоб всякую утварь развесить, а нет почти ничего, – отвечал ему другой голос.

– И яйца из-под курей заранее достали, сразу видно! – послышался говор третьего человека. – Насесты теплые. Видать, нас ждали. Видишь, подготовились заранее.

– Значит, будет над чем поработать, – словно ударил о воздух низкий и громкий начальствующий бас кого-то, чьи тяжелые шаги, обутых в подкованные сапоги ног, ударили о дощатый настил крыльца хозяйского дома. – Открывайте! Хватит спать! Пора помочь голодающим сдачей излишков своего труда!

Слова пришедшего сменились гоготом тех, кто обсуждал наличие всего одного топора и отсутствие куриных яиц и, сменился долгими и громкими ударами тыльной стороны тяжелого кулака о дверь.

– Открывайте! Или запалю! – прогремел бас еще жестче и громче.

Натянув свою старую армейскую гимнастерку, Андрей Осипович, не спеша, со спокойным выражением лица впустил в дом обладателя сурового начальствующего голоса.

– Ага! Баба, детки, сам здесь. Очень хорошо! – Пробасил вошедший, напугав своим голосом и, тем самым, разбудив маленьких детей в доме.

Хозяйка дома кинулась в подвешенной к потолку люльке и взяла на руки лежавшую там недавно появившуюся на свет дочку. Потом она подскочила к кроватке, где спали младшие ее сыновья, и свободной рукой прижала их к себе, по-матерински защищая от потенциальной опасности.

– Ну-ну, детки, дядя вас не обидит! – Пробасил и надменно заулыбался вошедший, демонстрируя присутствующим поразительно редкие передние зубы, будто бы часть из них отсутствовала, а не от природы была размещена друг от друга на приличном расстоянии.

До того, как тот вошел в дом, «он» уже начал ругать себя за излишнюю расторопность в деле сохранения припрятанных продуктов. Услышанная речь об отсутствии на насесте свежеснесенных курицами яиц одернула «его». Маленькие корявые пальцы его не то лапок, не то ручек, впились с отчаянием в густую мохнатую шевелюру на голове. Ведь он сам, заранее обошел все в хлеву и, дойдя до курятника, вытянул из-под каждой птицы еще теплое яйцо. Потом собрал их все и сложил под насест, прикрыв свой тайник толстым слоем грязного, смешанного с пометом сена. Теперь «он» ругал себя за это и терзался за то, что усугубил непростую ситуацию для «своей» семьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.